УДК 930.271
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00028

Н.А. Павличенко, Д.Е. Чистов

КИЛИКИ ПИФЕЯ И ДЕЙНОНА ИЗ РАСКОПОК БЕРЕЗАНИ И ИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ*

В ходе раскопок 2016 г. в северо-восточной части Березанского поселения на участке «О-Западный» были обнаружены два граффити на ионийских киликах. Один из них относится к типу чаш с розетками второй четверти VI в. до н.э.; не полностью сохранившаяся надпись содержит посвящение Гермесу и имя владельца — Дейнона. Хозяйственная яма, в которой был обнаружен этот сосуд, по данным стратиграфии и сопутствующему материалу отнесена ко второй четверти — середине VI в. до н.э. Второе граффито нанесено на большой ионийский килик с отогнутым венчиком. Эта длинная застольная надпись содержит имя хозяина — Пифея, сына Перикла. Несмотря на хронологическую близость, эти килики относятся к разным периодам существования Березанского поселения. Чаша Дейнона синхронна землянкам раннего поселения на Березани и является одним из свидетельств его преимущественно греческого населения. Килик Пифея, по-видимому, раскрывает нам имя владельца большого многокамерного каменно-сырцового дома начала третьей четверти VI в. до н.э.

Ключевые слова: Березань, Борисфен, Северное Причерноморье, греческая архаическая керамика, граффити.

Сведения об авторах: Павличенко Наталья Андреевна[1], Институт истории материальной культуры РАН; Чистов Дмитрий Ефимович[2], кандидат исторических наук, Государственный Эрмитаж.

Контактная информация: [1]191186, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18А, Институт истории материальной культуры РАН; e-mail: nat.pavlichenko@gmail.com; [2]190000, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 34, Государственный Эрмитаж; e-mail: d.chistov@gmail.com.

N.A. Pavlichenko, D.E. Chistov

CUPS OF PYTHES AND DEINON FROM BEREZAN ISLAND SITE AND THEIR ARCHEOLOGICAL CONTEXT

In the course of excavations in 2016 in the north-eastern part of the Berezan settlement, sector “O-Western”, graffiti on two Ionian cups were found. One of them belongs to the “rosette bowl” type of the 2nd quarter of the 6th century BCE; the incompletely preserved inscription contains a dedication to Hermes, and the name of the owner, Deinon. The storage pit in which this vessel was discovered is dated to the 2nd quarter — mid. 6th century BCE on the basis of stratigraphy and pottery finds. The second graffito is inscribed on a large Ionian kylix with a bent rim (“Knickrandschale”). This long inscription bears the name of the owner, Pythes the son of Pericles. Despite the chronological proximity, these vessels belong to different periods of the Berezan settlement. The Deinon’s bowl is synchronous with the dugouts of the early settlement on Berezan, being one of the evidences that Greek population predominated. The Pytheas’ kylix seems to reveal the name of the owner of a large multi-chamber stone-and mudbrick house, built in the beginning of the 3rd quarter of the 6th century BCE.

Key words: Berezan, Borysthenes, North Black Sea Region, Greek archaic pottery, graffiti.

About the authors: Pavlichenko Natalia Andreevna[1], Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences; Chistov Dmitry Efimovich[2], PhD (History), State Hermitage.

Contact information: [1]191186, Russia, Saint Petersburg, Dvortsovaya Naberezhnaya (Embankment), 18A, Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences; e-mail:

* Статья поступила в номер 18 декабря 2020 г.
Принята к печати 29 декабря 2020 г.

© Н.А. Павличенко, Д.Е. Чистов, 2020.

nat.pavlichenko@gmail.com; [2]190000, Russia, Saint Petersburg, Dvortsovaya Naberezhnaya (Embankment), 34, State Hermitage; e-mail: d.chistov@gmail.com.

В ходе раскопок 2016 г. в северо-восточной части Березанского поселения на участке «О-Западный» были обнаружены два граффити на ионийских киликах (рис. 1). Сразу же после полевого сезона С.Р. Тохтасьев планировал посвятить этим находкам отдельную публикацию, но, к сожалению, успел сделать только доклад[1] (далее — Тохтасьев 2017). После того как фотографии граффити были опубликованы в петербургском журнале «Hyperboreus» (Chistov 2019: 102—103), они привлекли внимание исследователей. В.П. Яйленко включил их в статью о стихотворных граффити Северного Причерноморья (Яйленко 2020: 483—486); другой вариант чтения предложил Б. Браво (Bravo 2021: 14—15). Задачей нашей статьи является комплексная публикация этих эпиграфических памятников вместе с археологическим контекстом, без которого их значение для исследования Березанского поселения не может быть понято в должной мере.

Фрагментированные чаши с надписями происходят из заполнения двух хозяйственных ям (№ 234 и 238), расположенных всего в 4,4 м друг от друга (рис. 2—4). Несмотря на пространственную и хронологическую близость этих комплексов, они, по-видимому, относятся к разным стратиграфическим периодам существования архаического Борисфена. Территория, на которой находились ямы № 234 и 238 (рис. 2), с начала третьей четверти VI в. до н.э. принадлежала участку большого многокамерного домовладения — дома I-1 (МК-3). Яма № 234 находится на территории помещения № 25 этого дома, а яма № 238 — северо-восточнее, на территории его внутреннего двора. Дом I-1 был расположен в квартале «I» Березанского поселения и имел вход с запада, с улицы У-7.[2] Первые городские жилые дома Борисфена отнесены к стратиграфической фазе II-A, начало которой предположительно датируется 540-ми гг. до н.э. (Чистов и др. 2012: 41—73; 2020: 61—90). Их появление вместе с развитием системы кварталов и уличной сети связывается с прибытием новой большой группы ионийских колонистов. До середины VI в. до н.э. эта же территория была занята многочисленными полуземлянками и хозяйственными ямами раннего, I периода.

Выделение отдельных фаз в рамках I периода существования Березанского поселения затруднено из-за отсутствия выраженного культурного слоя этого времени. Стратиграфическую последовательность ранних землянок и хозяйственных ям оказывается возможным определить только в случаях взаимных прорезов. Вместе с тем на участке «О-Западный» удалось раскрыть ряд объектов, непосредственно предшествующих наиболее ранним наземным каменно-сырцовым домам II периода, построенным на той же территории, или сосуществовавшим с наиболее ранними из них. Эти комплексы, датирующиеся около середины VI в. до н.э., условно выделяются в «переходную» (между I и II периодами) фазу I-B (Чистов и др. 2012: 15—18; 2020: 49—56). Пять больших прямоугольных полуземлянок этой фазы расположены в районе слияния меридиональных улиц У6 и У7, что позволило предположить синхронность их возникновения времени первичной разбивки уличной сети на территории Березанского поселения (Чистов 2017a: 133—137; 2017b: 139;); две из них (СК 67, 73) находятся на территории дома I-1 с западной стороны улицы У-7.

---

[1] Краткий текст этого доклада с предварительным чтением граффити сохранился в компьютере С.Р. Тохтасьева и был любезно сообщен А.П. Бехтер одному из авторов настоящей статьи.

[2] О системе нумерации кварталов и улиц Борисфена см.: (Чистов 2020b; Чистов и др. 2020: 16, ил. 2).

Хозяйственная яма № 234 относится к первому, «догородскому» периоду существования Борисфена, и была выкопана до возведения построек дома I-1, включая и помещение № 25, в границах которого она раскрыта. Эта яма связана с группой из трех овальных полуземлянок второй четверти — середины VI в. до н.э. (СК 39, 40, 68): с севера она прорезает полуземлянку СК 68, но, в свою очередь, оказалась прорезана с юга полуземлянкой СК 39, т.е. является по отношению к первой — поздней, а ко второй — более ранней. Время существования всех этих комплексов близко к середине VI в. до н.э.[3]: таким образом, их также можно отнести к «переходной» фазе I-B, предшествующей началу массового каменно-сырцового строительства на Березани.

В разрезе яма № 234 имела грушевидную форму, стенки расширялись от горловины к низу. Диаметр на уровне устья составлял 1,15—1,30 м, на уровне дна — 1,65 м, глубина от уровня погребенной почвы — 1,52 м. Помимо фрагментированной ионийской чаши с владельческой надписью, речь о которой пойдет далее, заполнение ямы № 234 содержало представительный керамический комплекс, датируемый около середины VI в. до н.э. Эта дата базируется, прежде всего, на находках транспортных амфор, включающую как целые сосуды, так и крупные фрагменты керамической тары.

Целая и фрагментированная амфоры (рис. 5: *1—2*; Чистов и др. 2012: 13, рис. 3: *5—6*) принадлежат наиболее ранней серии т.н. «протофасосских» амфор на сложнопрофилированных ножках (Иония β /Иония I), которую отличает пифоидная форма тулова и плавный переход от горла к плечикам. Производство таких сосудов связывают с неустановленными центрами Северной Эгеиды (Dupont 1999: 153; Монахов 2003: 37) или Восточной Греции (Bîrzesku 2012: 124; Sezgin 2012: 259—271, 325). Эти находки вместе с крупными фрагментами таких же амфор из находившейся неподалеку большой прямоугольной полуземлянки СК 73 (Chistov 2018: 86—87, fig. 1: *1—4*; Чистов, Монахов, Кузнецова 2019: 14) позволили аргументированно подтвердить их принадлежность к наиболее ранней серии данного типа (ср.: Монахов 2003: 39, табл. 23: *1—2*). Близость датировок ямы № 234 и СК 74 подтверждает и наличие в обоих комплексах амфор редкого типа Пабуч Бурну/Истрия 1388/Созополь 477, также датируемых около середины VI в. до н.э. (рис. 5: *6*; Chistov 2018: 89—90, fig. 3: *2—3*; Чистов, Монахов, Кузнецова 2019: 14, рис. 2: *8—13*).

Фрагментированная амфора с туловом характерной «репковидной» формы (рис. 5: *3*; Chistov 2018: fig. 2: *5*; Чистов, Монахов, Кузнецова 2019: 12, рис. 2: *3*) относится к т.н. группе сосудов типа амфоры из некрополя Лебеди V (Монахов 2003: 51—52), в настоящее время предположительно относимых к продукции Теоса (Sezgin 2017). Пропорции амфоры из ямы № 234 позволяют отнести её к наиболее позднему варианту амфор этой группы (Chistov 2018: 88—89). Если их атрибуция к продукции Теоса верна, можно предполагать, что она не могла быть произведена позже 546 г. до н.э., т.е. даты захвата этого города Гарпагом и исхода его жителей в Абдеры (Herod., 1, 168). Тулово хиосской амфоры «созопольского» варианта с белой обмазкой (рис. 5: *5*; Чистов, Монахов, Кузнецова 2019: рис. 4: *1*) также представляет тип керамической тары, производство которого прекратилось около середины VI в. до н.э.

[3] Подробное описание и датировку полуземлянок СК 39 и 40, исследованных в 2007 г., см: (Чистов и др. 2012: 15—16, ил. 10). Описание находок из их заполнения см.: (Чистов и др. 2012: 22—23, 36—37, табл. 5: *2*, 6: *18—24*, 11: *2, 4, 12—17*, 24: *6*, 45: *1—5*, 49: *1—5*, 50: *1—7,* 54: *2—3, 15*). Описание полуземлянки СК 68, входящей в ту же группу, но раскрытой в 2016 г., в отчетную статью за этот год (Чистов, Ильина 2019) не вошло. Этот комплекс (рис. 3) представлял собой котлован неправильной формы, близкой в плане к овальной. Диаметр полуземлянки составлял 2,80—3,55 м., глубина от уровня погребенной почвы — 0,65—0,80 м. На дне котлована выявлены три столбовые ямки диаметром 0,22—0,30 м и глубиной 0,10—0,12 м. Заполнение содержало керамический материал второй четверти — середины VI в. до н.э.

(Монахов 2012: 15).

Столовая расписная керамика из заполнения ямы № 234 дает более широкую дату — в рамках первой половины VI в. до н.э. Здесь мы не находим ни поздних групп ионийской керамики (стиля «фикеллура», клазоменских или приписываемых Клазоменам групп чернофигурных сосудов, самые ранние образцы которых датируются от 560 гг. до н.э.), ни аттических столовых сосудов. Таким образом, находки расписной керамики свидетельствуют о засыпке ямы не позже середины VI в. до н. э.

Североионийские колонные кратеры стиля LWG (NiA) 580—560-х гг. до н.э. представлены фрагментами сосудов с чернофигурным изображением оленя (рис. 6: *1*) и резервным — козлов (рис. 6: *2*). Подобные кратеры, расписывавшиеся в смешанной технике, характерны для слоёв Березанского поселения первой половины VI в. до н.э.; центрами их производства могли быть Клазомены и Теос (Копейкина 1970: 104; Борисфен-Березань 2005, кат. 34—38; Posamentir, Soloviov 2006: 119, Abb. 19—20, 27; 2007: Abb. 1b, 16—18; Чистов и др. 2012, табл. 20: *4*, 41: *3*; 2020: 37—38, табл. 14: *1—6*). Фрагменты таких сосудов широко встречаются в архаических слоях Ольвии и различных памятников Северного и Северо-Западного Причерноморья (Буйских 2013: 44—45).

Несколькими фрагментами представлены небольшие ольпы на плоском дне с орнаментом полосами (рис. 6: *3—4*; ср.: Boardman 1967: 144). Фрагмент дна ионийской тарелки на кольцевом поддоне (рис. 6: *7*; БЭ 2016.12/69) датируется 580—560 гг. до н.э. (Boardman Hayes 1966: 41—42, 44). В числе находок ионийских киликов — профильные фрагменты с отогнутым венчиком варианта 9,1.С. по классификации У. Шлотцауэра[4] (рис. 6: *5*). Ионийские чаши полусферической формы представлены нижней частью сосуда с орнаментом лучами и поясками (рис. 6: *6*), а также фрагментированной чашей rosette bowl с граффити — посвятительной надписью Дейнона на внешней стороне (рис. 1: *2*). Первый фрагмент, определенно, относится к более раннему варианту чаш с розеттами, на что указывает большая толщина стенок и особенности внутреннего декора — наличие белого обрамления концентрических полос пурпурной краски. По-видимому, этот сосуд относится к первой четверти VI в. до н.э. Чаша Дейнона орнаментирована по внешней стороне двумя широкими полосами бурого лака (на уровне подставки и в центральной части тулова), группами из пяти вертикальных штрихов по обеим сторонам ручек и розеттой из семи точек, размещенной по центру резервной зоны между группами штрихов. Внутренняя поверхность вместилища покрыта бурым лаком, по которому пурпуром нанесены четыре концентрических круга. Исходя из современных представлений о развитии декора этих чаш (Буйских 2013: 107—108), находка может быть датирована не ранее второй четверти VI в. до н.э. Тем же временем датируются чаши с аналогичной схемой орнаментации из некрополя Accoca (Utili 1999: 149, Abb. 2, Kat. 17). Вопрос о верхней границе периода производства полусферических чаш с розеттами детально не проработан. Ранее предполагалось, что они не производились позднее середины VI в. до н.э. (Boardman 1967: 170). Однако время их бытования все же заходит во вторую половину столетия (Cook, Dupont 1998: 26); к последней трети VI в. до н.э. их полностью вытесняют чаши той же формы с более простым декором полосами (Буйских 2013: 108). Это наблюдение в полной мере подтверждается материалами Березанского поселения фазы II-А (Чистов и др. 2012: табл. 65: *6—10*, 66: *1—3*; 2020: табл. 48: *7—12*, табл. 49: *12—14*).

Благодаря нейтронно-активационным анализам глин основной центр производства чаш с птицами и пришедших им на смену в конце VII в. до н.э. чаш с розетками в настоящее время

[4] О вариантах ионийских киликов этого типа и их датировке подробнее см. описание ямы № 238 ниже.

локализуются в Теосе. Этот город стал в VIII—VI вв. до н.э. важнейшим центром гончарного производства в Северной Ионии, наладившим массовое стандартизованное производство столовой керамики (Mommsen et al. 2006: 70; Kadıoğlu et al. 2019: 349—353).

По внешней стороне килика Дейнона прочерчена надпись:

Ἑρμ<έ>ω ἐμὶ ϙόλιξ: ΕΝΠΟ[- ca. 10–15 -]ΡΑΟ ἔγραφε δέ με Δένων
— «Я килик Гермеса[5] ….. Писал же меня Дейнон[6]».
Высота букв: 0,5—0,8 см.

Отличительные черты шрифта этого граффито (*альфа* с косой перекладиной, *эпсилон* с длинными слегка наклонными гастами, хвостатая *ро*) находят аналогии в березанских граффити VI в. до н.э.[7] — например, на венчике чернолаковой амфоры 575—550 г. до н.э. (рис. 9: *1)*, на светильнике первой половины — середины VI в. до н.э. и в застольном граффито на венчике ионийского килика [--] μαίνεσθα[ι] καὶ ἐρᾶν[--] второй — начала третьей четвертей VI в. до н.э. (Яйленко 1979: 57, рис. 2: *а—г*; Борисфен-Березань 2005: 136, 141, № 257, 267, 268). Близкой аналогией (с учетом меньшей тщательности выполнения граффито хозяйственного характера) является запись о торговой операции с зерном или выпечным хлебом на стенке ионийской чаши первой половины VI в. до н.э.[8] (Dubois 1996: 77, no. 36; Яйленко 2017: 339—340) (рис. 9: *2*).

Обращают на себя внимание форма йоты в ἐμί, которая будто бы имеет скругленный изгиб влево, а гамма в ἔγραφε похожа на лунарную сигму. Йота в ϙόλιξ обычная, поэтому нельзя исключить, что такое изменение формы вызвано тем, что буквы процарапывались по выгнутой поверхности.

ЛИ Δένων уже встречалось в Ольвии[9] — в ольвийском заклятии IV в. до н.э. и на остраконе (Dubois 1996: 169, № 102; Белоусов 2020: 13, № 3), и, что примечательно, в такой же форме с монофтонгизацией дифтонга ει. Точно также ει передается посредством ε в ἐμί (Thumb, Scherer 1959: 252, § 311.5; примеры подобной монофтонгизации на Березани и в Ольвии см. — Dubois 1996: 184). Пропуск *эпсилон* в Ἑρμ<έ>ω объясняется, вероятнее всего, ошибкой резчика.

Формуляр граффито типичен для посвятительных надписей на сосудах — τοῦ θεοῦ εἰμι — «я принадлежу богу (букв. я есмь бога)» (Lazzarini 1976: 251—254, № 537—558). Следующее за этой формулой ϙόλιξ С.Р. Тохтасьев предлагал считать антропонимом (Тохтасьев 2017) по аналогии с граффито конца V — начала IV в. до н.э. Μάν[δρι]ος κόλιξ καλή из сирийской Аль-Мины, но, скорее, это все же необычная форма слова κύλιξ, как и считал его издатель Дж. Бизли (SEG. 16. 231).

---

[5] Среди березанских граффити с имеием Гермеса следует упомянуть граффито первой трети V в. до н.э. Ἑρμῆι Πατ[ρωΐωι] — «Гермесу Отчему» (Русяева, Станиціна: 2018: 59, 62; Яйленко1982: 291, № 110; SEG. 32. 751) и граффито начала V в. до н.э. ἱερὴ εἰμὶ τὸρμέω — «Я (килик), посвящённый Гермесу» (Dubois 1996: 125, № 76).

[6] В.П. Яйленко прочел вместо *дельты мю* и читает здесь ЛИ Μένων (Яйленко 2020: 485).

[7] Ю.Г. Виноградов видел в шрифте березанских эпиграфических памятников копирование шрифта, принятого в метрополии, то есть в Милете (Виноградов 1989: 38, прим. 28).

[8] Небольшие размеры фрагментов не позволяют уверенно восстановить схему орнаментации этой чаши. Вероятнее всего они принадлежат чаше с розетками первой половины VI в. до н.э. По шрифту Б. Браво датировал это граффито второй половиной VI в. до н.э. (с оговоркой, что он не является специалистом по палеографии), он полагал, что эта надпись была сделана не на целом килике, а на черепках, и что, таким образом, датировка сосуда дает terminus post quem (Bravo 1977: 42—43). По мнению А. Джонстона, по форме *альфы* и *мю* граффито датируется третьей четвертью VI в. до н.э. (Johnston 1979: 209).

[9] В других причерноморских полисах, оно, по-видимому, не засвидетельствовано.

В ϙόλιξ можно видеть переход υ в ο, что подтверждается формой ἀρύστιχος из березанского граффито на ольпе конца VII — начала VI в. до н.э.[10] Ипсилон в этом граффито процарапан поверх омикрон (Dubois 1996: 67, № 27; Тохтасьев 2017; ср., также, Slavova 2004: 28, § 1.6.2).

Далее, перед сколом находятся буквы ΕΝΠΟ. Вероятнее всего они принадлежат одному слову с отсутствием ассимиляции носового перед губным[11] (Scherer 1934: 26, § 43). После омикрон видна нижняя часть вертикальной гасты. Это не может быть *ро*, и, скорее всего, это не *йота*, так как предшествующие *йоты* начинаются ниже остальных букв. Из остальных возможных вариантов с *каппой*, *лямбдой* (левая гаста *лямбды* в этом граффито вертикальная), *ню* и *тау* больше всего подходят слова на ΕΜΠΟΛ и ΕΜΠΟΤ. С.Р. Тохтасьев видит здесь ἔνπο[τος] — «ἔμποτος как эпитет килика — «пригодный (т.е. хороший) для питья», синоним εὔποτος» (Тохтасьев 2017).

Посвятительные надписи, в которых эпиклеза божества отделена от его имени глаголом, уже встречались в Ольвии, например, Ἀπόλλωνός ἐμι τõ Δελφινίο (конец VI в. до н.э., Русяева 2010: 28, 220, табл. 4: *6*; ср., также Lazzarini 1976: 253, no. 556: *g, h*). Так что более оправданным выглядит восстановление ΕΝΠΟ как эпиклезы Гермеса Ἐνπο[λαῖος] — «Торговый, покровительствующий торговле» (Яйленко 2020: 485; Bravo 2021: 12; см. также Bravo 1977: 36). Ранее Яйленко восстанавливал эту эпиклезу в ольвийском граффито начала V в. до н.э. — [ἄ]ξιος Ἑρμέω ἐμ[ὶ Ἐμπο]λαίο («я (килик) достойный Гермеса Торгового»)[12] (Яйленко 1980: 77 № 68; SEG 30. 908).

Следовательно, до лакуны текст граффито можно читать следующим образом: Ἑρμ<έ>ω ἐμὶ ϙόλιξ: Ἐνπο[λαίο --] — «Я килик Гермеса Торгового…». Восстановление текста перед находящимися за сколом буквами ΡΑΟ затруднительно, т.к. лакуна достаточно велика (на утраченном фрагменте стенки могло находиться примерно 10—15 букв)[13].

Завершающая часть граффито («Писал же меня Дейнон») находит аналогии в сигнатурах мастеров, являвшихся одновременно дедикантами. Как правило, это формула ἐποίησε καὶ ἀνέθηκε («сделал и посвятил»). Но имеется и другой вариант: Νέαρχος μ' ἔγραφσεν κἀ[νέθεκεν] («Неарх меня написал и посвятил», Афины, сер. VI в. до н.э.), Μιλονίδας ἔγραψε κἀνέθεκε («Милонид (*меня*) написал и посвятил», Пендескуфия, VI в. до н.э.) (Lazzarini 1976: 293, no. 815, 816; Тохтасьев 2017).

Точное определение типа граффито Дейнона выглядит затруднительным. Наличие названия сосуда в формуляре, обычное для застольных надписей, возможное восстановление ΕΝΠΟ как ἔνπο[τος] и завершение надписи «писал же меня такой-то», использовавшееся в несомненно застольном граффито Пифея, сына Перикла, из ямы № 238, указывает на то, что это может быть застольная надпись. С другой стороны, не менее вероятным представляется восстановление Ἐνπο[λαίο --]. Кроме того, Гермес не являлся покровителем симпосиумов.

В качестве возможного варианта можно предложить следующее чтение этого граффито:

---

[10] Речь идет об ионийской микроольпе с граффито Идана из раскопок В.В. Лапина 1974 г. (Лапин 1974: 123—14, табл. 25: *1—3*), найденной яме № 150 первой половины VI в. до н.э. (Ср.: Буйских 2019: рис. 33, кат. 1: *314—327*).

[11] Ср. Φίλον με ἐποίεσεν hὸνπορίονος (Афины, ок. 500—480 гг. до н.э., IG. I^3. 777).

[12] Гезихий объясняет значение ἐμπολαῖος как ὁ κερδῷος Ἑρμῆς — «Гермес приносящий прибыль» (Hesych. s.v.). Ἑρμῆς Ἐμπολαῖος упоминается у Аристофана (Aristoph. Ach., 816, Pl. 1155). В комментариях к «Ахарнянам» схолиаст поясняет ἐμπολαῖος как ἐμπορικός, πραγματευτικός (Schol. ad Aristoph., Ach., 816).

[13] В.П. Яйленко и Б. Браво, читавшие граффито по фотографии, видят там соответственно ΣΑΟ и ΩΡΟ/ΩΔΟ (Яйленко 2020: 485; Bravo 2021: 12).

Ἑρμ<έ>ω ἐμὶ ϙόλιξ: Ἐνπο[λαίο? --]ΡΑΟ ἔγραφε δέ με Δένων
— «Я килик Гермеса Торгового (?)… Писал же меня (*то есть надпись*) Дейнон».

В начале третьей четверти VI в. до н.э. все ранние полуземлянки и хозяйственные ямы были засыпаны, и на той же территории возводятся многокамерные дома, сблокированные в городской квартал. Дом I-1 (МК-3)[14] вероятно, входил в число первых сырцово-каменных наземных домов, построенных на Березанском поселении в 540-х гг. до н. э. Несколькими десятилетиями позже, в последней четверти того же столетия, он был разрушен пожаром, а затем отстроен заново.

В третьей четверти VI в. до н. э. домохозяйство состояло, по-видимому, из пяти помещений (рис. 2: *5, 6, 7, 25, 26*, 10). Три из них представляли собой изолированные постройки, расположенные в северной, восточной и юго-восточной частях дома, и примыкавшие к его внешним стенам. Наибольших размеров достигало помещение № 5 (49 кв. м) с прямоугольным очагом, в котором находились две переносные цилиндрические печки. Соседнее помещение № 6, почти квадратное в плане и с заглубленным на 0,2—0,3 м полом, имело меньшие размеры (38 кв. м). Не исключено, что вдоль южной границы надела — ойкопедона, между помещениями № 5 и 25 на раннем этапе существования дома существовала еще одна небольшая постройка — от нее сохранился лишь отрезок сырцовой стены, не имевшей в основании каменного цоколя. Нельзя исключить и того, что эта стена представляла собой один из строительных периодов южной ограды домовладения.

Два других помещения (№ 7 и 26) были расположены в северо-западной части дома. Помещение № 7 представляло собой полуподвал, заглубленный в грунт на 0,85 м. Его стены были сложены из сырцовых кирпичей без каменных цоколей в основании. Помещение № 26 имело интересную особенность — оно выступало за западную границу дома в сторону городской улицы примерно на половину своего объема. Это небольшое помещение с каменно-сырцовыми стенами предположительно имело хозяйственное назначение — в нем найдены остатки двух печей. Помещения № 7 и 26 разделял узкий тупиковый проход; тем не менее, не исключено, что на раннем этапе существования дома они были частями одной постройки. Наличие вымостки позволяет допустить, что вход в помещение № 6 был расположен с востока. Вместе с тем дверные проемы не были достоверно зафиксированы ни в одной из построек этого домовладения, поэтому их расположение можно реконструировать лишь гипотетически. Вход в дом I-1, по-видимому, находился с запада, между помещениями № 25 и 26, и вел во двор с улицы У7. Здесь же на улицу выходил водосток, отводивший осадочные и сточные воды с территории внутреннего двора.

«Дом Пифея» имел исключительно большие размеры: его общая площадь приближается к 380 кв. м, около 50% из которых приходится на долю жилых и хозяйственных сооружений. В границах этого домовладения одновременно располагались четыре—пять небольших изолированных построек, группировавшихся с трех сторон от центрального двора. По всей видимости, внутренняя территория этого участка осваивалась его владельцами постепенно, новые постройки возводились по мере надобности. Расположение некоторых из этих строений выглядит почти хаотичным: так, например, полуподвальное помещение № 7 и помещение № 6 практически сходятся внешними углами. Не вполне ясно как использовалась территория к северу от помещения № 7 на протяжении ранней строительной фазы, и как к

[14] МК-3 — обозначение многокамерного комплекса в нумерации участка «О-Западный» I-1 — номер дома по новой поквартальной нумерации. Различные части и помещения этого дома исследовались на протяжении многих полевых сезонов — с 2004 по 2016 г.; результаты этих раскопок отражены в ряде публикаций (Чистов 2007; Чистов и др. 2012: 41—54; Чистов, Ильина 2017: 181—189, рис. 2—3; 2019: 158—162).

ней осуществлялся доступ. Можно лишь предположить, что северо-западная часть комплекса (помещение № 26 и незастроенная территория к северу от помещения № 7) представляла собой особую хозяйственную единицу — лавку, или место проживания какой-то обособленной части семьи. Нельзя полностью исключить и того, что это помещение всё же относится к соседнему с севера дому I-3. Его строительные остатки сохранились очень фрагментарно[15]. Вместе с тем установлено, что древняя дневная поверхность к северу от помещений № 4, 6, 8 дома I-1 имела значительный уклон в направлении современного берега острова, из-за чего здесь грунт был подрезан уступом или небольшой террасой высотой до 0,5 м: эта особенность рукотворного рельефа позволяет определить северную границу домовладения и предполагать, что помещение № 26 всё же находилось в его границах.

На территории дома I-1 раскрыто несколько хозяйственных ям, синхронных различным строительным фазам его существования, а также два колодца: один из них (№ 222) был расположен в центральной части двора, а другой (№ 89) — в северо-восточном углу надела, между помещениями № 5 и 6. Яма № 238, в которой был обнаружен килик с граффито Пифея, находилась в юго-западной части внутреннего двора дома I-1, у северо-восточного угла помещения № 25. Стратиграфические наблюдения не позволяют связать ее с определенным периодом или фазой столь же точно, как и в случае с ямой № 234. Яма № 238 не прорезалась другими заглубленными объектами, а ее устье было выявлено с уровня погребенной почвы, практически идентичного и уровню подошв стен соседней постройки № 25 фазы II-A. Эта сравнительно небольшая хозяйственная яма в разрезе имела характерную форму с расширяющимися книзу стенками. Ее диаметр на уровне устья составляет 0,86—0,90 м., глубина — 1,15 м, ширина на уровне дна — 1,17 м.

Фрагменты амфорной тары, составлявшие большую часть находок в заполнении, малоинформативны, и могут датироваться в рамках VI в. до н.э. В их числе — отдельные профильные части сосудов Клазомен, Милета, лесбосских красноглиняных и сероглиняных амфор. Находки керамики других групп немногочисленны — 50 фрагментов, 36 из которых принадлежат сосудам ионийских центров. Аттическая керамика в заполнении этой ямы (в отличие от ямы № 238) присутствовала, но лишь в виде шести невыразительных фрагментов, принадлежащих киликам и закрытым сосудам.

Крупный фрагмент тарелки на ножке с росписью — разорванным меандром, поясками и лучами (рис. 7: *3*) как и край тарелки на кольцевом поддоне со сходной системой росписи (рис. 7: *1*) относятся к формам североионийской керамики стиля LWG (NiA), изготавливавшимся в основном во второй четверти VI в. до н.э. и, возможно, немного позднее середины столетия (Boardman, Hayes 1966: 44; Cook, Dupont 1998: 53, fig. 8, 18; Буйских 2013: 65). Подобные тарелки являются массовым материалом для ранних слоев Ольвии (ср.: Буйских 2013: 294—295, 296, кат. 3.240—3.264, 267—276) и Березани (Борисфен-Березань 2005: 50—51, кат. 62—63), где они, наряду с тарелками южноионийского и эолийского производства, характерны в основном для комплексов I периода (Чистов и др. 2012: табл. 19, 27, 41: *1—3*, 44: *5—7*; 2020: 35, табл. 11—12). Однако, подобные изделия с простой схемой орнаментации (разорванный меандр, концентрические круги и лучи) встречаются и в слоях фазы II-A, что заставляет предполагать некоторое пересечение их хронологии с предполагаемыми хронологическими рамками этой фазы — от 540-х гг. до н.э. (Чистов и др. 2012: табл. 67: *7, 12*; 2020b: 99—100, табл. 53—54). Анализы показали близость

[15] Во многом благодаря современным массированным грабительским раскопкам, уничтожающим культурный слой Березанского поселения.

химического состава глины таких тарелок группе B, предположительно связываемой с продукцией Teoca (Posamentir, Soloviev 2006: 119—121, Abb. 22).

Из заполнения ямы также происходит фрагмент ручки—пластины североионийского колонного кратера первой половины VI в. до н.э. с характерной росписью на верхней поверхности — меандром и лучами (рис. 7: *2*).

Для определения датировки ямы № 238 наиболее интересны находки орнаментированных полосами ионийских киликов с отогнутым краем. Помимо большого килика с граффито Пифея в этом же комплексе найдены крупные фрагменты еще трех подобных киликов (рис. 8: *1—3*). Все они имеют существенно меньший, в сравнении с чашей Пифея, диаметр (ок. 13—14 см), однако их профилировка и орнаментальная схема несколько различаются.

Основываясь на последней и наиболее детальной типологии этих сосудов, выполненной на основе стратифицированных комплексов Милета (Schlotzhauer 2001), все они относятся к типу 9 — самой массовой форме ионийских киликов на протяжении всего VI в. до н.э. Два килика (рис. 8: *2—3*) имеют сходные пропорции вместилища и практически одинаковую систему орнаментации внешней стороны тулова. Внутренняя сторона одного из них (рис. 8: *3*) полностью залита лаком, у другого же — орнаментирована концентрическими полосами различной ширины. В классификации У. Шлотцауэра такие сосуды отнесены к варианту 9,1.C. Килики схожей профилировки найдены в Милете в контекстах второй—третьей четвертей VI в. до н.э. и датируются довольно широко — 590/80—550/40 гг. до н.э. (Schlotzhauer 2001: 518, Taf. 32, Kat. N 183, 184). Еще один фрагментированный килик (рис. 8: *1*) имеет иную, существенно более округлую и мелкую форму вместилища. Его, скорее, можно отнести к варианту 9,2.C того же типа. Этот вариант является несколько более поздним — время его бытования укладывается в рамки второй—третьей четвертей VI в. до н.э. (580/70—530/20 гг.) (Schlotzhauer 2001: 519, Taf. 33, Kat. N 187—188). Кроме того, пропорции сосуда из ямы № 238 близки килику из раскопок участка «О-Восточный» В.В. Лапина, который А.В. Буйских относит к еще более позднему варианту 9,3.C, дата которого распространяется на вторую половину столетия (Буйских 2016: 35—36, рис. 4: *5*). Однако наш килик не имеет орнаментации полосами пурпура, а профилировка его венчика не соответствует особенностям этого варианта (ср. Schlotzhauer 2001: Taf. 33).

Приведенные выше датировки вариантов форм киликов типа 9 увязываются с развитием в Милете стиля росписи «фикеллюра», и, по-видимому, не в малой степени обусловлены ранней датой появления этого стиля (после 590-х гг. до н.э.), принимаемой У. Шлотцауэром (Schlotzhauer 2001: 109). Килики типа 9 известны большим количеством находок в центрах Северо-Западного Причерноморья, и, в первую очередь, на Березани (Буйских 2016: 33). Следует заметить, что находки крупных профильных фрагментов киликов вариантов 9,1.C и 9,2.C на Березани широко встречаются в контекстах как I, «догородского» периода (Чистов и др. 2012: табл. 17: *2*, 25: *3*, 26: *2*, 38: *2*; 2020b: табл. 9: *1—3*), так и фазы II-A, соответствующей времени появления уличной сети и первых многокамерных каменно-сырцовых домов (Чистов 2006: 68—69, рис. 17: *48*, илл. 31: *2*; Чистов и др. 2020: табл. 50: *6—8*; табл. 51: *1—3*). В одном из «рубежных» комплексов фазы I-B середины VI в. до н.э. вместе зафиксированы профильные фрагменты киликов вариантов 9,1.C и 9,3.C (Чистов и др. 2012: табл. 141: *5—7*). В комплексах и слоях позднеархаической фазы II-B крупные профильные фрагменты полосатых ионийских киликов 9-го типа встречаются намного реже (Чистов и др. 2020: табл. 87: *1*), являясь случайными примесями из ранних напластований.

В целом приведенные наблюдения могут соответствовать верхним хронологическим границам, предложенным для этих вариантов У. Шлотцауэром, если верно наше предположение о смене I периода стратиграфической фазой II-А в 540-х гг. до н.э.

Таким образом, исходя из современных представлений о хронологии ионийских импортов, керамический комплекс ямы № 238 сложно датировать точнее, чем вторая — начало третьей четвертей VI в. до н.э. — т.е. его датировка очень близка описанной выше яме № 234 и границе первого и второго стратиграфических периодов в существовании памятника. Вместе с тем, в отличие от последней, мы не имеем веских оснований отнести яму № 238 к I периоду архаического Борисфена. Исходя из косвенных данных (небольшая примесь фрагментов аттической керамики, расположение на территории двора дома I-1) и возможных дат группы находок киликов с отогнутым венчиком, оправданно, всё же, допускать её связь с жилым комплексом фазы II-А, а имя владельца килика предположительно связать с хозяином этого исключительно большого домовладения.

Обратимся теперь к килику с застольной надписью Пифея, сына Перикла[16] (рис. 1: *1*). Его профилировка и орнаментация также близки варианту 9,1.C, однако он имел почти вдвое больший диаметр (24,6 см). Такие исключительно большие чаши с отогнутым венчиком и орнаментом полосами известны в материалах Милета, где выделены в особый тип 12. Однако все они найдены лишь во фрагментах; из-за недостатка данных предложена лишь широкая дата, охватывающая три последних четверти VI в. до н.э. (580/570 до 500/490 гг. до н.э.) (Schlotzhauer 2001: 265—266). Находка килика этой формы таких размеров является чрезвычайно редкой и для Березанского поселения, но не единичной. Фрагмент венчика килика еще большего диаметра (до 30 см) имеется в коллекции из раскопок В.В. Лапина. А.В. Буйских по визуальным характеристикам предполагает его производство в каком-то из центров Северной Ионии (Буйских 2016: 33, 34, рис. 3: *9*), то же можно сказать и о килике Пифея[17]. Вдоль внутренней стороны закраины этого килика была нанесена однострочная надпись:

ΠΥΘΕΩΕΙΜΙΤΟΠΕΡΙΚΛΕΟΣΧΕΧΑΡΩΔΕΜΟΝΟΜΑΚΩΣΑΝΜΕΚΠΙΗΙΧΑΙΕΡΗΣΕΙΕΓΡΑ ΘΕΔΕΜΕΠΥΘΗΣ.
Высота букв: 0,5—1 см.

Шрифт этого граффито в целом имеет те же черты, что шрифт граффито Дейнона, за исключением того, что *ро* имеет более выраженную вертикальную «ножку», а наклонная перекладина *альфы* достигает конца правой гасты.

Несмотря на то, что надпись прочерчена твердой рукой, она не свободна от ошибок. Пифей пропустил *эпсилон* между двумя *хи* и поместил его чуть ниже, под первой *хи*. К числу явных описок можно отнести *тхету* вместо *фи* в ἔγρα<φ>ε. По-видимому, случайный характер имеет и *эпсилон* после *йоты* в χαι{ε}ρήσει[18].

Чтение и интерпретация начала и конца этой надписи не вызывают серьезных разночтений — Πυθέω εἰμὶ τõ Περικλέος … ἔγρα<φ>ε δέ με Πυθῆς («Я (*килик*) Пифея, сына Перикла. … Писал же меня (*то есть эту надпись*) Пифей»).

[16] Первая публикация: (Чистов, Ильина 2019: 162, ил. 6: *1*).

[17] Археометрические анализы образцов киликов типов 9.1.C из Милета показали, что они были произведены в самом Милете (Schlotzhauer 2001: 110).

[18] Можно предположить, что первоначально Пифей прочертил χαερήσει, а затем, переправляя αε на αι, добавил *йоту,* не зачеркнув при этом *эпсилон* (о передаче на письме αι посредством АЕ см., например, Bechtel 1924: 33, 34, § 3; Schwyzer 1939: 194).

ЛИ Πυθῆς и Περικλῆς до сих пор не были засвидетельствованы ни в Ольвии, ни на Березани (LGPN. IV, s.v.), но Πυθῆς было употребительно и в Милете (391—387 гг. до н.э., Syll.3 134; конец III в. до н.э., Milet. VI. 2. 470), и в других ионийских полисах, например, в Эрифрах (ок. 270/260 г. до н.э., OGIS 223=SEG 37. 924; LGPN VA, s.v.). В то время, как Б. Браво и В. П. Яйленко предлагают акцентуацию Πύθης, С.Р. Тохтасьев справедливо полагал, что Πυθῆς — ионийская форма с характерным для этого диалекта переходом —έᾱς > -ῆς (Buck 1928: 39, § 42. 2).

Форма ионийского генитива на -εω этого ЛИ вполне обычна и находит многочисленные аналогии как в милетских, так и в ольвийских и березанских надписях классического и эллинистического времени (Scherer 1934: 28 § 45; Dubois 1996: 189; см., например, Ἡρακλείδεω в ольвийском письме Апатурия, сына Леонакта (конуц VI в. до н.э., Dana 2007: 75), τὸρμέω (Березань, ок. 500 г. до н.э., Dubois 1996: 125 № 76)).

Самые ранние примеры ЛИ Περικλῆς — V в. до н.э. — происходят из Аттики (LGPN II, s.v.), малоазийские примеры относятся ко времени не раньше IV в. до н.э. (LGPN VA, s.v.). Генитив Περικλέος имеет форму на -εος, обычную для имен собственных с основой на сигму в ионийских надписях VI—V вв. до н.э. (Scherer 1934: 54). Подобный генитив находит аналогии в Ольвии (см., например, Τύχων ὁκατοκλέος — ок. 500 г. до н.э. (Dubois 1996: 113, № 62); Ἑκατοκλέος — V в. до н.э. (Dubois 1996: 168, № 101) и встречается там вплоть до конца IV в. до н.э. — например, в судебном заклятии (Τελεσικράτεος – Dubois 1996: 171, № 105) и в лапидарных надписях (Ἰσοκράτεος — Dubois 1996: 89, № 45; Λεωκράτεος — Dubois 1996: 25, № 11).

Форма εἰμί, в которой ει передается посредством диграфа EI, находит аналогии в Милете (посвящение Аполлону, до 550 г. до н.э., Schwyzer 1960: 351 № 723_3).

Следующая за указанием на владельца килика часть граффито — ΧΕΧΑΡΩΔΕΜΟΝΟΜΑΚΩΣΑΝΜΕΚΠΙΗΙΧΑΙΕΡΗΣΕΙ — интерпретировалась различным образом.

Все исследователи видят в $X_EXARΩ$ редуплицированный conjunctivus aoristi activi от χαίρω — χεχάρω (Тохтасьев 2017; Яйленко 2020: 483; Bravo 2021: 15)[19]. Подобные редуплицированные формы будущего времени и аориста засвидетельствованы у Гомера (см., например – κεχαροίατο (Hom. Il., 1, 256), κεχαρησέμεν (Hom. Il., 15, 98), κεχάροντο (Hom. Il., 16, 600); κεχάροιτο (Hom. Od., 2, 249), κεχαρήσεται (Hom. Od., 23, 266).

Первая *хи* в χεχάρω появилась в результате регрессивной ассимиляции — χεχάρω < κεχάρω (для аттического диалекта примеры подобной ассимиляции придыхательного см. — Threatte 1980: 457—460, § 38: *211a*, для других диалектов — Schwyzer 1939: 257).

Сразу же после χεχάρω С.Р. Тохтасьев предлагал выделять δ’ ἐμὸν / ὄνομα (последнее со знаком вопроса – *Н.П., Д.Ч.*), что, по его мнению, не давало удовлетворительного смысла. Далее, непосредственно перед ἄν μ’ ἐκπίηι он предполагал κ’ ὡς («*и как*»), то есть элизию или красис καί перед гласным и псилозу. Его предварительное чтение и перевод этого граффито выглядел следующим образом:

Πυθέω εἰμὶ τõ Περικλέος $X_EXARΩΔEMON$ ὄνομα (?) κ’ ὡς ἂν μ’ ἐκπίηι, χαι{ε}ρήσει· ἔγρα(φ)ε δέ με Πυθῆς

— «*Я есмь чаша Пифея, сына Перикла (……) имя (?); и как (он) ни выпьет меня, возрадуется; а писал меня Пифей*» (Тохтасьев 2017).

[19] С.Р. Тохтасьев e.g. рассматривал также возможность перфектной формы (Тохтасьев 2017).

В.П. Яйленко для середины граффито предлагает следующий вариант разбивки текста на слова:

χεχάρω δὲ μ’ ὄνομα κὼς ἄν μ’ ἐκπίηι[20], χαί<ε>ρήσει
— «*Я (кубок) Питеса Периклова, радостно же мне имя (слава того), кто меня как-либо выпьет и выиграет; исписывал-то меня Питес*» (Яйленко 2020: 483).

Предлагаемая интерпретация ΧΕΧΑΡΩΔΕΜΟΝΟΜΑ не вполне понятна. Насколько можно судить по переводу, ὄνομα рассматривается в качестве подлежащего к χεχάρω, то есть «*радостно же мне имя*» равнозначно «*имя для меня является радостным/радующим*» по аналогии, например, с τοῦτο δ' ἐγὼ πρόφρων δέχομαι, χαίρει δέ μοι ἦτορ — «*Я же охотно принимаю этот (дар), и мое (букв. у меня) сердце радуется*» (Hom. Il., 23, 647). Это не согласуется с тем, что χεχάρω — форма первого лица[21]. Не ясно также, к чему в этом случае относится выделяемая московским исследователем форма датива личного местоимения первого лица μοι. После конъюнктива ἐκπίηι В.П. Яйленко видит союз καί с аспирацией[22] и футурум от αἱρέω[23].

Б. Браво (со ссылкой на мнение М. Венцовского — Wecowski 2014: 42—47) считает, что в рассматриваемом граффито речь идет о застольной игре, когда сотрапезники должны были одним глотком — ἀμυστί (букв. «*не закрывая рта*») выпить чашу с вином, обычно достаточно большого объема. Для центральной части граффито он предлагает следующий вариант чтения: χεχάρω δὲ μονομάκως. ἄν μ’ ἐκπίηι, χαι{ε}ρήσει («пусть я смогу радоваться, устраивая состязание (*в выпивке*). Если кто меня выпьет до дна, тот будет этому рад»), где μονομάκως — это наречие от μονόμαχος («*сражающийся в одиночку*»). Браво объясняет замену *хи каппой* тем, что писавший «плохо различал фонемы -k- и -kh-»[24]. Кроме приведенных Б. Браво примеров замены заднеязычных, например, *гаммы каппой* в письме из Гермонассы 450—440 гг. до н.э. (κατασφρ<α><γ>ίσατε – Pavlichenko, Kashaev 2012: 230), в качестве более близкой аналогии можно привести форму императива от δέχομαι — δέκεσθε — в письме с ольвийской агоры 525—500 г. до н.э. (Dana 2007: 73—74; Bechtel 1924: 255, § 306).

Вариант интерпретации этого граффито, предложенный Б. Браво, представляется наиболее удачным. Он не требует никаких дополнительных допущений, таких, например, как появление форм с аспирацией. Все особенности орфографии — в частности, замена *хи гаммой* и регрессивная ассимиляция κ > χ — находят аналогии в том числе и в ольвийских надписях. Следует отметить, что среди березанских и ольвийских застольных граффити

[20] В транскрипции текста В.П. Яйленко ударения χεχαρῶ и ἐκπιῆι (Яйленко 2020: 483).

[21] Формально форма ὄνομα может быть и аккузативом, но аккузатив при χαίρω встречается редко, и это или аккузатив существительного или местоимения с причастием, или аккузатив прилагательного в форме среднего рода, или figura etymologica (LSJ, s.v.).

[22] В качестве доказательства возможности появления форм с аспирацией он привлекает наречие ἐνθεῦθεν из так называемого «письма жреца» из Гилеи второй половины VI в. до н.э. (Dubois 1996: 55—63, № 24; Тохтасьев 1999: 177).

[23] То есть, по его мнению, союз καί соединяет в качестве однородных членов предложения конъюнктив с частицей ἄν и футурум. В.П. Яйленко предлагает также и факультативный вариант интерпретации средней части этого граффито, в котором присутствуют две формы с аспирацией и «гиперионийская» форма глагола ἐρέσσω («грести, ускорять, управлять, усердно заниматься», LSJ, s.v.) — χῆ χάρω δὲ μ’ ὄνομα κὼς ἄν μ’ ἐκπίηι, χαί ἐρήσει — «*Я (кубок) Питеса Периклова, и того радостно же мне имя (слава), кто меня как-либо выпьет и станет владеть; исписывал-то меня Питес*» (Яйленко 2020: 484).

[24] «Appartengo a Pythes figlio di Perikles; possa io rallegrarmi facendo un duello (di bevuta). Se uno mi berra fino in fondo, ne sara lieto. E stato Pythes a scrivere su di me» (Bravo 2021: 15).

VI—V вв. до н.э. имеется несколько со словосочетанием ἀμυστὶ πιεῖν («выпить, не закрывая рта, залпом»)[25] (Яйленко 1980: 90—93, № 91—93). Среди них есть граффито [--]ος ὃς ἄμ[υσσιν ἐκπίη, ἀ]ναγορεύ[σεται] («кто выпьет не закрывая рта, возвестит (*о себе*)») (рубеж VI—V вв. до н.э., Яйленко 1980: 91, № 92; Dubois 1996: 69, no. 28a; Тохтасьев 1999: 182). Граффито Пифея, по-видимому, представляет вариант застольной надписи подобного типа.

Надпись прочерчена от лица килика и от лица надписи на этом килике и состоит из трех частей: указание на владельца сосуда, затем вполне уместный во время симпосиума призыв показать умение не просто много выпить, но выпить залпом большую чашу. Задача была не столь уж простой, поскольку симпосиасту предстояло опорожнить порядка 2—2,5 литров вина[26]. В знаменитом граффито на «кубке Нестора» скифос сообщает, что он является εὔποτ[ον]· ποτέριο[ν] («чашей, приятной для питья») (Meiggs, Lewis 1969: 1, № 1), а ольвийский килик V в. до н.э. называет себя ἡδύποτος ... φίλη πίνοντι τὸν οἶνον («приятным для питья … милым для пьющего вино») (Dubois 1996: 71, № 29). Березанский килик сообщает о себе, что ему доставит удовольствие вызвать на состязание в выпивке. Заключает текст нестандартное завершение, точно такое же, как в граффито Дейнона, в котором уже сама надпись сообщает, что ее автором был владелец сосуда.

Таким образом, граффито можно читать следующим образом:

> Πυθέω εἰμὶ τõ Περικλέος, χεχάρω δὲ μονομάκως. ἄν μ’ ἐκπίηι, χαι{ε}ρήσει. ἔγρα<φ>ε δέ με Πυθῆς
> — «Я (*килик*) Пифея, сына Перикла. Пусть я смогу радоваться, устраивая состязание (*в выпивке*). Если кто меня выпьет до дна, тот будет (*этому*) рад. Писал же меня (*то есть надпись*) Пифей».

Надписи на киликах из раскопок 2016 г. дополняют новыми штрихами наши очень неполные знания как о раннем, «догородском» поселении на Березани, так и о времени основания на его территории урбанизированной колонии. Наряду с двумя свинцовыми письмами, найденными в том же районе Борисфена, также относимыми к раннему периоду (Chistov, Pavlichenko 2019), чаша Дейнона является очередным свидетельством тому, что население застроенного полуземлянками поселка в первой половине — середине VI в. до н.э. состояло (в значительной мере или преимущественно) из греков. Поскольку текст на килике дошел до нас не полностью, возможны два варианта его интерпретации: как посвящения божеству или как надписи застольного характера. Вариант восстановления текста как посвящения Гермесу Торговому (Ἐνπολαῖος) прекрасно ложится в представления о раннем Борисфене как об эмпории, поселении, имевшем ярко выраженный торговый или торгово-промышленный (сырьевой) характер[27]. Вместе с тем, такое чтение ставит вопрос о наличии на Березани святилищ греческих божеств уже в это время, что пока противоречит совокупности данных, полученных в ходе многолетних раскопок. Все постройки, которые могут быть признаны общественными сооружениями, относятся ко второму, городскому периоду существования Борисфена, и датируются не ранее третьей четверти VI в. до н.э. Б. Браво допускает возможность того, что Дейнон мог являться членом религиозного союза,

[25] ἀμυστὶ πιεῖν («выпить залпом, большим глотком») является устойчивым выражением — ср., например, Ath. Deipn. X. 60; Anacreont. 11a; Luc. Lex. 8; см. также Dubois 1996: 70.

[26] Измерить объем килика Пифея после полевой реставрации 2016 г. было невозможно, поскольку у него отсутствовала ножка и часть дна. Компьютерное моделирование его тулова по рисунку дает полный объем вместилища около 2,7 л.

[27] См. краткий обзор особенностей Березанского поселения I периода: (Чистов 2020а).

собиравшегося в небольшом святилище, посвященном Гермесу Торговому, а его чаша использовалась в ходе застолий на торжественных собраниях этой ассоциации (Bravo 2021: 12). Учитывая весьма длительный, почти столетний период существования Борисфена как земляночного поселка (возможно, с нестабильным или даже сезонным населением), появление на его территории небольших святилищ, мест почитания греческих богов или проведения религиозных церемоний исключать нельзя, но следует принимать во внимание, что на территории квартала I никаких следов такого теменоса не найдено, а яма № 234 по составу находок из неё никак не может быть признана ботросом.

Килик Пифея, судя по тексту его надписи, использовался хозяином и его гостями для застольных состязаний, чему способствовал его исключительно большой объем. Примечательна связь этого сосуда с жилым домом очень значительной площади, возведенном на самом раннем этапе урбанизации Березанского поселения, по-видимому, уже в 540-х гг. до н.э. Использование окатанных камней в кладках, характерное для самых первых каменно-сырцовых построек Борисфена, прослежено и в помещениях этого многокамерного комплекса. Надо полагать, что хозяин дома I-1 (МК-3), которым вполне мог быть Пифей, сын Перикла, прибыл на Березань в это время в составе большой группы ионийских колонистов, и участвовал в строительстве города, то есть принадлежал к первому поколению переселенцев. Сложно сказать, была ли нанесена надпись в бытность Пифея на Березани, или же большой килик для товарищеских трапез был привезен им в новый дом из метрополии.

Литература

Белоусов А.В. 2020. *Корпус заклятий Понтийской Ольвии (DefOlb).* Москва: МГУ.

Борисфен-Березань 2005: *Борисфен-Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. К 120-летию археологических раскопок на острове Березань: каталог выставки*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж; АРС.

Буйских А.В. 2013. *Архаическая расписная керамика из Ольвии*. Киев: Стародавній світ.

Буйских А.В. 2016. Ионийские килики из Борисфена. *Археологія і давня історія України* 1(18), 29—42.

Буйских А.В. 2019. *Архаическая расписная керамика из Борисфена (раскопки 1960—1980 гг.)*. Киев: Институт археологии НАН Украины.

Виноградов Ю.Г. 1989. *Политическая история ольвийского полиса VII—I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование.* Москва: Наука.

Копейкина Л.В. 1970. Особенности развития родосско-ионийской керамики в первой половине VI в. до н.э. и вопросы локализации некоторых её групп. *ВДИ* 1, 93—106.

Лапин 1974: НА ИА НАНУ. № 1974/100. Лапин В.В. 1974. Отчет о работе Березанской экспедиции археологического музея (Институт зоологии АН УССР) в 1974 г.

Монахов С.Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров—экспортёров товаров в керамической таре: Каталог-определитель.* Москва: Киммерида; Саратов: Саратовский университет.

Русяева А.С. 2010. *Граффити Ольвии Понтийской*. Симферополь: Керченська міська друкарня.

Русяева А.С., Станиціна Г.О. 2018. Сакральні графіті з розкопок В.В. Лапіна в Борисфені. *Археологія і давня історія України* 3(28), 54—67.

Тохтасьев С.Р. 1999. Рец.: Laurent Dubois. Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont (École pratique des hautes études. Sciences historiques et philologiques. Hautes études du Monde Gréco-Romain, 22). Genève, 1996. 208 p. *Hyperboreus*. Vol. 5. Fasc. 1, 164—192.

Чистов Д.Е. 2007. Новый комплекс с пожарищем второй половины VI в. до н. э. из раскопок на участке «О» античного поселения на острове Березань. В: Зинько В.Н., Крапивина В.В. (ред.). *Древности Северного Причерноморья в античное время*. Симферополь: Крымское отделение Института востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины; Центр археологических исследований БФ «Деметра», 127—151 (МАИЭТ. Suppl. 4).

Чистов Д.Е. 2017а. Жилое домостроительство Березанского поселения второй половины VI — первой половины V в. до н.э. *АВ* 23, 132—152.

Чистов Д.Е. 2017b. Землянки архаической Березани В: Форназієр Й., Твардецький А., Браунд Д., Буйських А., Гаврилюк Н., Матера М., Шейко І. (ред.). *Північне Причорномор'я за античної доби (на пошану С.Д. Крижицького)*. Киев: Стародавній світ, 127—144.

Чистов Д.Е. 2020a. Греки и варвары Березанского поселения во второй половине VII — первой половине VI в. до н.э. В: Хршановский В.А, Жижина-Гефтер В.Б., Жижина Н.К., Молев Е.А., Соколова О.Ю. (ред.). *Боспорский феномен. Боспорское царство М.И. Ростовцева (взгляд из XXI века).* Ч. 2. Санкт-Петербург: Издательско-полиграфический центр Санкт-Петербургского Государственного Университета промышленных технологий и дизайна, 264—271.

Чистов Д.Е. 2020b. Улицы архаического Борисфена. В: Смирнов О.І. (ред.). *Forum Olbicum III: до 70-річчя з дня народження В.В. Крапівіної. Матеріали міжнародної археологічної конференції. 4-6 травня 2020 р.* Миколаїв: Науково-дослідний центр «Лукомор'є», 41—44.

Чистов и др. 2012: Чистов Д.Е., Зуев В.Ю., Ильина Ю.И., Каспаров А.К., Новоселова Н.Ю. 2012. *Исследования на острове Березань в 2005—2009 гг.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж (Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. Т. 2).

Чистов Д.Е., Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В. 2019. Амфоры первой половины — середины VI в. до н.э. из раскопок Березани. *ПИФК* 1, 8—24.

Чистов и др. 2020: Чистов Д.Е., Ильина Ю.И., Еремеева А.А., Щербакова О.Е. 2020. *Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции.* Т. 3. *Березанское поселение в исследованиях 2010—2014 годов.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж (Археология в Эрмитаже. Т. 1).

Чистов Д.Е., Ильина Ю.И. 2017. Исследования экспедиции Государственного Эрмитажа на острове Березань в 2015 году. *АСГЭ* 41, 177—216.

Чистов Д.Е., Ильина Ю.И. 2019. Исследования экспедиции Государственного Эрмитажа на острове Березань в 2016 году. АСГЭ 42, 155—171.

Яйленко В.П. 1979. Несколько ольвийских и березанских граффити (по материалам Одесского археологического музея). *КСИА* 159, 53—60.

Яйленко В.П. 1980. Граффити Левки, Березани и Ольвии. *ВДИ* 3, 75—116.

Яйленко В.П. 1982. *Греческая колонизация VII—III вв. до н.э.* Москва: Наука.

Яйленко В.П. 2017. *История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н.э. — VII в. н.э.* Санкт-Петербург: Нестор-История.

Яйленко В.П. 2020. Стихотворные граффити Боспора, Ольвии, Березани. *ДБ* 25, 443—511.

Bechtel Fr. 1924. *Die Griechische Dialekte. III. Der Ionische Dialekt.* Berlin: Weidmannsche Buchhandlung.

Bîrzescu I. 2012. *Die archaischen und frühklassischen transport amphoren.* Bucurešti: Editura Enciclopedica (Histria XV).

Boardman J. 1967. *Excavations in Chios 1952—1955: Greek Emporio.* London: British School at Athens (BSA. Suppl. Vol. 6).

Boardman J., Hayes J. 1966. *Excavations at Tocra 1963—1965: The Archaic Deposits 1*. London: British School at Athens (BSA. Suppl. Vol. 4).

Buck C. 1928. *The Greek dialects.* Chicago; London: The University of Chicago Press.

Bravo B. 1977. Remarques sur les assises sociales, les formes d'organisation et la terminologie du commerce maritime à l'époque archaïque. *Dialogues d'histoire ancienne* 3, 1—59.

Bravo B. 2021. *Pontica Varia. Poleis e città, culti e rappresentazioni religiose, thiasoi orfici, organizzazione del commercio, "giustizia privata" nella periferia nord-orientale del mondo greco (secoli VII—IV a.c.).* Athènes: École française d'Athènes (BCH. Suppl. 63).

Chistov D. 2018. Amphorae Assemblages of the Second Quarter — Mid-6th Century BC from the North-Eastern Part of The Berezan Island Site. In: Alexandru Avram A., Buzoianu L., Lungu V. (eds.). *Koinè et mobilité artisanale entre la Méditerranée et la mer Noire dans l'Antiquité. Hommage à Pierre Dupont à son 70e anniversaire. Pontica*. Vol. LI. Suppl. V.

Cook R.M., Dupont P. 1998. *East Greek Pottery*. London; New York: Routledge.

Dana M. 2007. Lettres grecques dialectales nord-pontiques (sauf IGDOP 23-26). *REA* 109(1), 67—97.

Dubois L. 1996. *Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont*. Genève: Hautes Études du Monde Gréco-Romain (Hautes Études du Monde Gréco-Romain 22).

Dupont P. 1999. La circulation amphoriqe en mer Noire à l'epoque archaique. Specificites et problemes. In: Garlan Y. (ed.). *Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire*. Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence, 143—161.

Johnston A.W. 1979. *Trademarks on Greek vases*. Warminster: Aris and Phillips.

Kadıoğlu M., Özbil C., Kerschner M., Mommsen H. 2019. Teos im Licht der neuen Forschungen. In: Yalçın Ü., Bienert H.-D. (eds.). *Anatolien — Brücke der Kulturen. Aktuelle Forschungen und Perspektiven in den*

deutsch-türkischen Altertumswissenschaften. Tagungsband des Internationalen Symposiums "Anatolien – Brücke der Kulturen" in Bonn vom 7. bis 9. Juli 2014. Bochum; Bonn: Grafisches Centrum Cuno GmbH & Co. KG, 345—366.

Lazzarini 1976. M. *Le Formule delle dediche votive nella Grecia arcaica*. Roma: Accademia nazionale dei Lincei.

Meiggs R., Lewis D. 1969. *Greek historical inscriptions to the end of the fifth century B.C*. Oxford: Clarendon Press.

Mommsen H., Cowell M.R., Fletcher P., Hook D., Schlotzhauer U., Villing A., Weber S., Williams D. 2006. Neutron Activation Analysis of Pottery from Naukratis and other Related Vessels. In: Villing A., Schlotzhauer U. (eds.). *Naukratis: Greek Diversity in Egypt. Studies on East Greek Pottery and Exchange in the Eastern Mediterranean*. London: The British Museum Press, 69—76.

Chistov D., Pavlichenko N. 2019. Lead Letter from the Excavations of Area 'O-Western' at the Berezan Settlement in 2017. *Hyperboreus*. Vol. 25. Fasc. 2, 259—277.

Pavlichenko N., Kashaev S. 2012. A personal letter found in Hermonassa. *Hyperboreus*. Vol. 12. Fasc. 2, 230—242.

Posamentir R., Solovyov S. 2006. Zur Herkunftsbestimmung archaischer ostgriechischer Keramik: die Funde aus Berezan in der Ermitage von St. Petersburg. *Ist. Mitt* 56, 103—128.

Posamentir R., Solovyov S. 2007. Zur Herkunftsbestimmung archaischer ostgriechischer Keramik: die Funde aus Berezan in der Ermitage von St. Petersburg II. *Ist. Mitt.* 57, 179—207.

Sezgin Y. 2012. *Arkaik Dönem Ionia Üretimi Ticari Amphoralar (Ionian Transport Amphorae of the Archaic Period)*. Istanbul: Yayinlari.

Sezgin Y. 2017. Arkaik Dönemde Teos'ta ticari amphora üretimi: sorunlar ve gözlemler. *Anatolia* 43, 15—39.

Schlotzhauer U. 2001. *Die südionischen Knickrandschalen. Eine chronologische Untersuchung zu den sog. Ionischen Schalen in Milet*. (Diss. Ruhr-Universität Bochum 2001). URL: http://www-brs.ub.ruhr-uni-bochum.de/netahtml/HSS/Diss/SchlotzhauerUdo/diss.pdf (дата обращения 24.12.2014).

Scherer A. 1934. *Zur Laut- und Formenlehre der milesischen Inschriften.* München: Salesianische Offizin.

Schwyzer E. 1939. *Griechische Grammatik. Erster Band. Allgemeiner Teil — Lautlehre — Wortbildung — Flexion.* München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung.

Schwyzer E. 1960. *Dialectorum Graecarum exempla epigraphica potiora*. Hildesheim: Georg Olms Verlagsbuchhandlung.

Slavova M. 2004. *Phonology of the Greek inscriptions in Bulgaria*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.

Threatte L. 1980. *The grammar of Attic inscriptions.* Vol. I. *Phonology.* Berlin; New-York: Walter de Gruyter.

Utili F. 1999. *Die archaische Nekropole von Assos.* Bonn: Dr. R. Habelt (Asia Minor Studien. Bd. 31).

Wecowski M. 2014. *The Rise of the Greek Aristocratic Banquet*. Oxford: Oxford University Press.

References

Belousov, A.V. 2020. *Korpus zaklyatiy Pontiyskoy Ol'vii (DefOlb) (Corpus of Conjurations of Pontic Olbia (DefOlb))*. Moscow: MGU (in Russian).

Borisfen-Berezan' 2005: *Borisfen-Berezan'. Nachalo antichnoy epokhi v Severnom Prichernomor'ye. K 120-letiyu arkheologicheskikh raskopok na ostrove Berezan': katalog vystavki (Borisfen-Berezan. The beginning of the Antique Era in the Northern Black Sea Region. To the 120th Anniversary of Archaeological Excavations on the Berezan Island: Catalogue of Exhibition)*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh; ARS (in Russian).

Buyskikh, A.V. 2013. *Arkhaicheskaya raspisnaya keramika iz Ol'vii (Archaic painted pottery from Olbia)*. Kyiv: Starodavniy svit (in Russian).

Buyskikh, A.V. 2016. In *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini (Archaeology and Ancient History of Ukraine)* 1(18), 29—42 (in Russian).

Buyskikh, A.V. 2019. *Arkhaicheskaya raspisnaya keramika iz Borisfena (raskopki 1960—1980 gg.) (Archaic Painted Pottery from Borisfen (Excavations of 1960—1980))*. Kyiv: Institut arkheologii NAN Ukrainy (in Russian).

Vinogradov, Yu.G. *1989. Politicheskaya istoriya ol'viyskogo polisa VII—I vv. do n.e. Istoriko-epigraficheskoye issledovaniye (Political History of the Olbia polis 7th — 1st centuries BCE. Historical and Epigraphic Research)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Kopeykina, L.V. 1970. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 1, 93—106 (in Russian).

Lapin 1974: NA IA NANU. No. 1974/100. Lapin V.V. 1974. Otchet o rabote Berezanskoy ekspeditsii arkheologicheskogo muzeya (Institut zoologii AN USSR) v 1974 g.

Monakhov, S.Yu. 2003. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologija amfor vedushhih centroveksportorov tovarov v keramicheskoj tare: Katalog—opredelitel' (Greek Amphorae in the Black Sea Region. Typology of*

Amphoras leading Centers-Exporters of Goods in Ceramic Containers: Identification Catalogue). Moscow: Kimmerida; Saratov: Saratovskiy universitet (in Russian).

Rusyayeva, A.S. 2010. *Graffiti Ol'vii Pontiyskoy (Graffiti of Olbia of Pontus)*. Simferopol: Kerchens'ka mis'ka drukarnya (in Russian).

Rusyayeva, A.S., Stanitsina, G.O. 2018. In *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini (Archaeology and Ancient History of Ukraine)* 3(28), 54—67 (in Ukrainian).

Tokhtasjev, S.R. 1999. In *Hyperboreus*. Vol. 5. Fasc. 1, 164—192 (in Russian).

Chistov, D.Ye. 2007. In: Zin'ko, V.N., Krapivina, V.V. (eds.). *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ya v antichnoye vremya (Antiquities of the Northern Black Sea coast in ancient times)*. Simferopol: Krymskoye otdeleniye Instituta vostokovedeniya im. A.Ye. Krymskogo NAN Ukrainy; Tsentr arkheologicheskikh issledovaniy BF "Demetra", 127—151 (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria. Suppl. 4) (in Russian).

Chistov, D.Ye. 2017a. In *Arheologicheskie vesti (Archaeological News)* 23, 132—152 (in Russian).

Chistov, D.Ye. 2017b. In: Fornaziêr, Y., Tvardets'kiy, A., Braund, D., Buys'kikh, A., Gavrilyuk, N., Matera, M., Sheyko, I. (eds.). *Pivnichne Prichornomor'ya za antichnoi dobi (na poshanu S.D. Krizhits'kogo) (Northern Black Sea coast in ancient times (in Honor of S.D. Kryzhytsky))*. Kyiv: Starodavniy svit, 127—144 (in Russian).

Chistov, D.Ye. 2020a. In: Khrshanovskiy, V.A, Zhizhina-Gefter, V.B., Zhizhina, N.K., Molev, Ye.A., Sokolova, O.Yu. (eds.). *Bosporskiy fenomen. Bosporskoye tsarstvo M.I. Rostovtseva (vzglyad iz XXI veka) (The Bosporus Phenomenon. Bosporus Kingdom of the M.I. Rostovtzeff (View from the 21st century))*. Pt. 2. Saint Petersburg: Izdatel'sko-poligraficheskiy tsentr Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo Universiteta promyshlennykh tekhnologiy i dizayna, 264—271 (in Russian).

Chistov, D.Ye. 2020b. In: Smirnov, O.I. (ed.). *Forum Olbicum III: do 70-richchya z dnya narodzhennya V.V. Krapivinoi. Materiali mízhnarodnoi arkheologíchnoi konferentsii. 4-6 travnya 2020 r. (Forum Olbicum III: until the 70th Birthday of V.V. Krapivina. Materials of the International Archaeological Conference. 4-6 May 2020)*. Mykolaiv: Naukovo-doslídniy tsentr "Lukomor'e", 41—44 (in Russian).

Chistov et al. 2012: Chistov, D.Ye., Zuev, V.Yu., Il'ina, Yu.I., Kasparov, A.K., Novoselova, N.Yu. 2012. *Issledovaniya na ostrove Berezan' v 2005—2009 gg. (Research on Berezan Island in 2005—2009)*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh (Materials of the Berezan (Nizhnebug) Antique Archaeological Expedition. Vol. 2) (in Russian).

Chistov, D.Ye., Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, Ye.V. 2019. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* 1, 8—24 (in Russian).

Chistov et al. 2020: Chistov, D.Ye., Il'ina, Yu.I., Yeremeyeva, A.A., Shcherbakova, O.Ye. 2020. *Materialy Berezanskoy (Nizhnebugskoy) antichnoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Materials of the Berezan (Nizhnebug) Antique Archaeological Expedition)*. Vol. 3. *Berezanskoye poseleniye v issledovaniyakh 2010—2014 godov (Berezanskoe settlement in the studies of 2010—2014)*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh (Arkheologiya v Ermitazhe. Vol. 1) (in Russian).

Chistov, D.Ye., Il'ina, Yu.I. 2017. In *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (The Archaeological Collection of the State Hermitage Museum)* 41, 177—216 (in Russian).

Chistov, D.Ye., Il'ina, Yu.I. 2019. In *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (The Archaeological Collection of the State Hermitage Museum)* 42, 155—171 (in Russian).

Yaylenko, V.P. 1979. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 159, 53—60 (in Russian).

Yaylenko, V.P. 1980. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 3, 75—116 (in Russian).

Yaylenko, V.P. 1982. *Grecheskaya kolonizatsiya VII—III vv. do n.e. (Greek Colonization of the 7th — 3rd centuries BCE)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Yaylenko, V.P. 2017. *Istoriya i epigrafika Ol'vii, Khersonesa i Bospora VII v. do n.e. — VII v. n.e. (History and Epigraphy of Olbia, Chersonesos and the Bosporus of the 7th century BCE — 7th century CE).* Saint Petersburg: Nestor-Istoriya (in Russian).

Yaylenko, V.P. 2020. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of Bosporus)* 25, 443—511 (in Russian).

Bechtel, Fr. 1924. *Die Griechische Dialekte. III. Der Ionische Dialekt.* Berlin: Weidmannsche Buchhandlung.

Bîrzescu, I. 2012. *Die archaischen und frühklassischen transport amphoren.* Bucurešti: Editura Enciclopedica (Histria XV).

Boardman, J. 1967. *Excavations in Chios 1952—1955: Greek Emporio.* London: British School at Athens (BSA. Suppl. Vol. 6).

Boardman, J., Hayes, J. 1966. *Excavations at Tocra 1963—1965: The Archaic Deposits 1*. London: British School at Athens (BSA. Suppl. Vol. 4).

Buck, C. 1928. *The Greek dialects.* Chicago; London: The University of Chicago Press.

Bravo, B. 1977. Remarques sur les assises sociales, les formes d'organisation et la terminologie du commerce maritime à l'époque archaïque. *Dialogues d'histoire ancienne* 3, 1—59.

Bravo, B. 2021. *Pontica Varia. Poleis e città, culti e rappresentazioni religiose, thiasoi orfici, organizzazione del commercio, «giustizia privata» nella periferia nord-orientale del mondo greco (secoli VII—IV a.c.).* Athènes: École française d'Athènes (BCH. Suppl. 63).

Chistov, D. 2018. Amphorae Assemblages of the Second Quarter — Mid-6th Century BC from the North-Eastern Part of The Berezan Island Site. In: Alexandru Avram, A., Buzoianu, L., Lungu, V. (eds.). *Koinè et mobilité artisanale entre la Méditerranée et la mer Noire dans l'Antiquité. Hommage à Pierre Dupont à son 70e anniversaire. Pontica*. Vol. LI. Suppl. V.

Cook, R.M., Dupont, P. 1998. *East Greek Pottery*. London; New York: Routledge.

Dana, M. 2007. Lettres grecques dialectales nord-pontiques (sauf IGDOP 23-26). *REA* 109(1), 67—97.

Dubois, L. 1996. *Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont*. Genève: Hautes Études du Monde Gréco-Romain (Hautes Études du Monde Gréco-Romain 22).

Dupont, P. 1999. La circulation amphoriqe en mer Noire à l'epoque archaique. Specificites et problemes. In: Garlan, Y. (ed.). *Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire*. Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence, 143—161.

Johnston, A.W. 1979. *Trademarks on Greek vases*. Warminster: Aris and Phillips.

Kadıoğlu, M., Özbil, C., Kerschner, M., Mommsen, H. 2019. Teos im Licht der neuen Forschungen. In: Yalçın, Ü., Bienert, H.-D. (eds.). *Anatolien — Brücke der Kulturen. Aktuelle Forschungen und Perspektiven in den deutsch-türkischen Altertumswissenschaften. Tagungsband des Internationalen Symposiums "Anatolien — Brücke der Kulturen" in Bonn vom 7. bis 9. Juli 2014*. Bochum; Bonn: Grafisches Centrum Cuno GmbH & Co. KG, 345—366.

Lazzarini, 1976. M. *Le Formule delle dediche votive nella Grecia arcaica*. Roma: Accademia nazionale dei Lincei.

Meiggs, R., Lewis, D. 1969. Greek historical inscriptions to the end of the fifth century B.C. Oxford: Clarendon Press.

Mommsen, H., Cowell, M.R., Fletcher, P., Hook, D., Schlotzhauer, U., Villing, A., Weber, S., Williams, D. 2006. Neutron Activation Analysis of Pottery from Naukratis and other Related Vessels. In: Villing, A., Schlotzhauer, U. (eds.). *Naukratis: Greek Diversity in Egypt. Studies on East Greek Pottery and Exchange in the Eastern Mediterranean*. London: The British Museum Press, 69—76.

Chistov, D., Pavlichenko, N. 2019. Lead Letter from the Excavations of Area 'O-Western' at the Berezan Settlement in 2017. *Hyperboreus*. Vol. 25. Fasc. 2, 259—277.

Pavlichenko, N., Kashaev, S. 2012. A personal letter found in Hermonassa. *Hyperboreus*. Vol. 12. Fasc. 2, 230—242.

Posamentir, R., Solovyov, S. 2006. Zur Herkunftsbestimmung archaischer ostgriechischer Keramik: die Funde aus Berezan in der Ermitage von St. Petersburg. *Ist. Mitt* 56, 103—128.

Posamentir, R., Solovyov, S. 2007. Zur Herkunftsbestimmung archaischer ostgriechischer Keramik: die Funde aus Berezan in der Ermitage von St. Petersburg II. *Ist. Mitt.* 57, 179—207.

Sezgin, Y. 2012. *Arkaik Dönem Ionia Üretimi Ticari Amphoralar (Ionian Transport Amphorae of the Archaic Period)*. Istanbul: Yayinlari.

Sezgin, Y. 2017. Arkaik Dönemde Teos'ta ticari amphora üretimi: sorunlar ve gözlemler. *Anatolia* 43, 15—39.

Schlotzhauer, U. 2001. *Die südionischen Knickrandschalen. Eine chronologische Untersuchung zu den sog. Ionischen Schalen in Milet*. (Diss. Ruhr-Universität Bochum 2001). Available at: http://www-brs.ub.ruhr-uni-bochum.de/netahtml/HSS/Diss/SchlotzhauerUdo/diss.pdf (accessed 24.12.2014).

Scherer, A. 1934. *Zur Laut- und Formenlehre der milesischen Inschriften.* München: Salesianische Offizin.

Schwyzer, E. 1939. *Griechische Grammatik. Erster Band. Allgemeiner Teil — Lautlehre — Wortbildung — Flexion.* München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung.

Schwyzer, E. 1960. *Dialectorum Graecarum exempla epigraphica potiora*. Hildesheim: Georg Olms Verlagsbuchhandlung.

Slavova, M. 2004. *Phonology of the Greek inscriptions in Bulgaria*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.

Threatte, L. 1980. *The grammar of Attic inscriptions.* Vol. I. *Phonology.* Berlin; New-York: Walter de Gruyter.

Utili, F. 1999. *Die archaische Nekropole von Assos.* Bonn: Dr. R. Habelt (Asia Minor Studien. Bd. 31).

Wecowski, M. 2014. *The Rise of the Greek Aristocratic Banquet*. Oxford: Oxford University Press.

Рис. 1. Граффити из раскопок участка «О-Западный» 2016 г.: *1* — килик Пифея (БЭ 2016.28/160); *2* — чаша Дейнона (БЭ 2016.12/70).

Fig. 1. Graffiti from the excavations of the sector “O-Western” in 2016: *1* — Pytheas’ kylix (BE 2016.28/160); *2* — Deinon’s bowl (BE 2016.12/70).

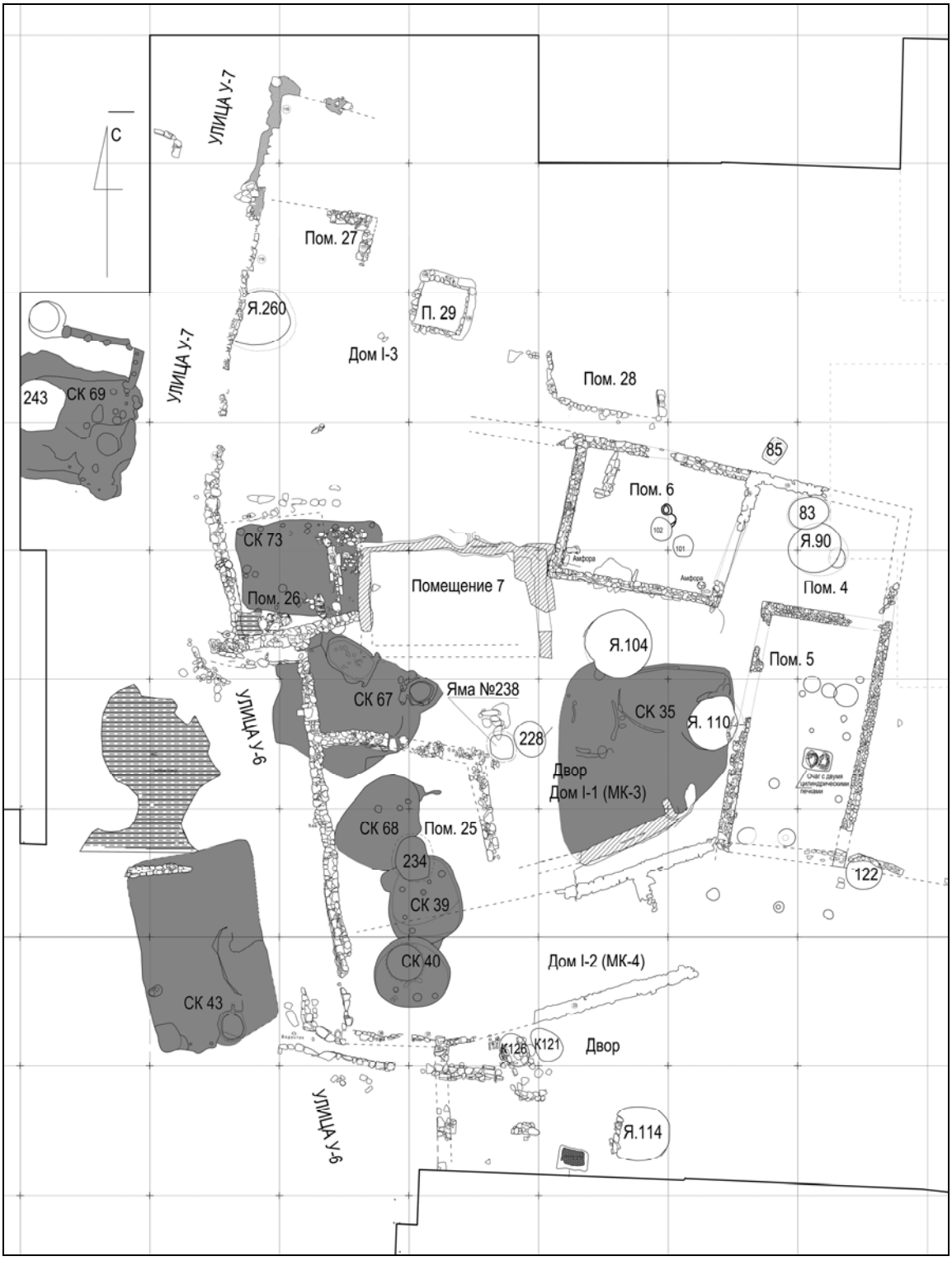

Рис. 2. Раскоп «О-западный». План западной части квартала I. Строительные остатки домов I-1, I-2, I-3, фазы II-A. Серым цветом обозначены объекты, отнесенные к «переходной» фазе I-B, т.е. к середине VI в. до н.э.

Fig. 2. Excavation sector "O-Western". Plan of the western part of the block I. Building remains of houses I-1, I-2, I-3, phase II-A. The objects assigned to the "transitional" phase I-B, i.e. by the middle of the 6th century BCE.

Рис. 3. Объекты I периода на территории помещения № 25 фазы II-А (полуземлянки № 67 и 68, хозяйственные ямы № 231—234). Полуземлянка СК 39, исследованная в 2007 г., на фото расчищена небольшим сегментом. Вид с юга.

Fig. 3. Structures of the first period on the territory of premises No. 25 of phase II-A (semi-dugouts No. 67 and 68, storage pits No. 231—234). Semi-dugout SK 39, examined in 2007, is cleared by a small segment in this photo. View from the south.

Рис. 4. Яма № 238 (на переднем плане) и объекты I периода на территории помещения № 25. Вид с востока.

Fig. 4. Pit No. 238 (in the foreground) and objects of the I period in the territory of room No. 25. View from the east.

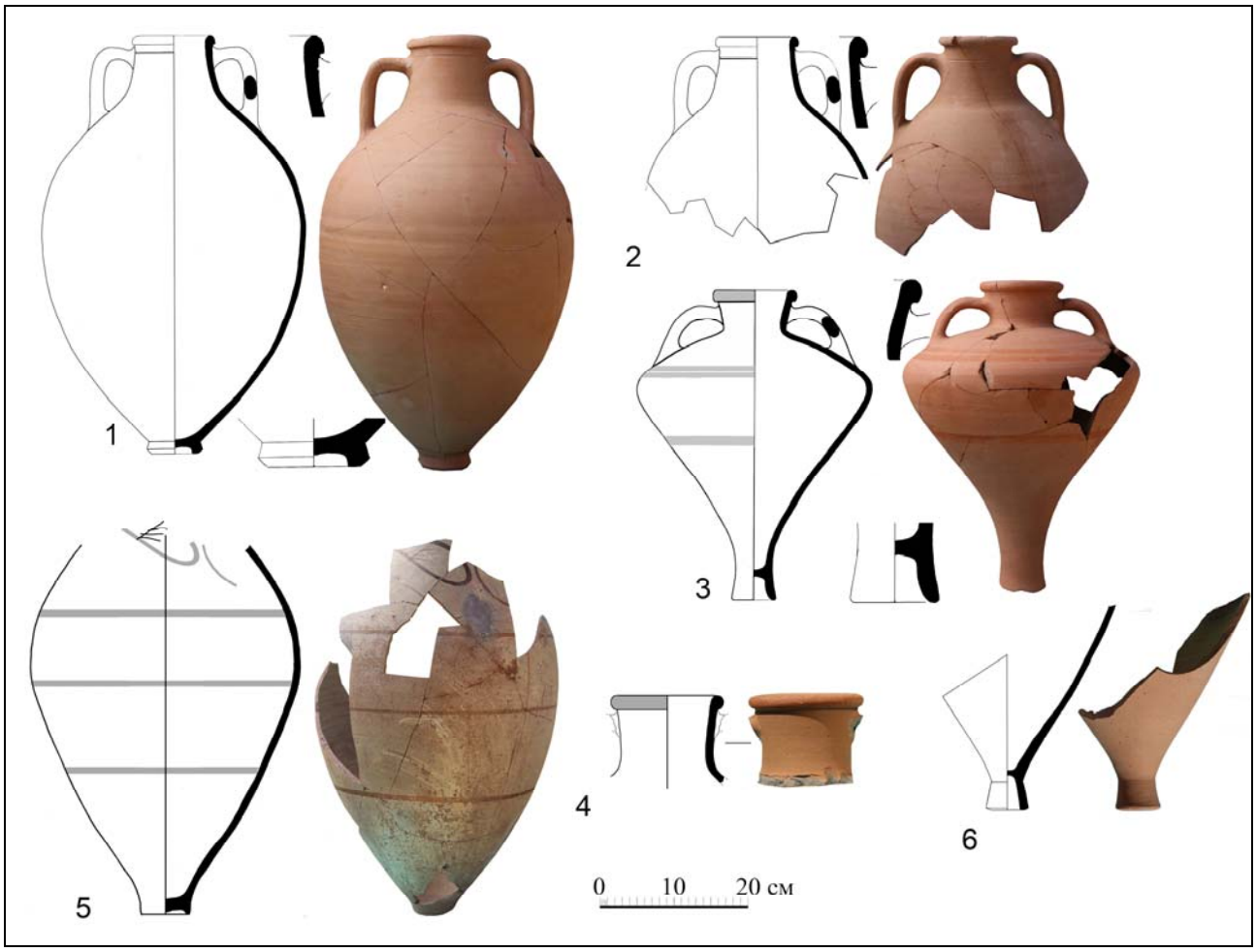

Рис. 5. Керамическая тара из заполнения ямы № 234: *1—2* — ранние «протофасосские» амфоры (БЭ 2016.12/66; БЭ 2016.12/62); *3* — амфора Теоса (БЭ 2016.12/64); *4* — горло клазоменской амфоры (БЭ 2016.12/61); *5* — тулово хиосской амфоры (БЭ 2016.12/63); *6* — нижняя часть амфоры типа Пабуч Бурну/Истрия 1388/Созополь 477 (БЭ 2016.12/65).

Fig. 5. Transport amphorae from the pit filling No. 234: *1—2* — early “protoThasian” amphorae (BE 2016.12/66; BE 2016.12/62); *3* — amphora of Theos (BE 2016.12/64); *4* —neck of the Klazomenian amphora (BE 2016.12/61); *5* —body of the Chian amphora (BE 2016.12/63); *6* — the lower part of the amphora of the type of Pabuç Burnu /Histria 1388/Sozopol 477 (BE 2016.12/65).

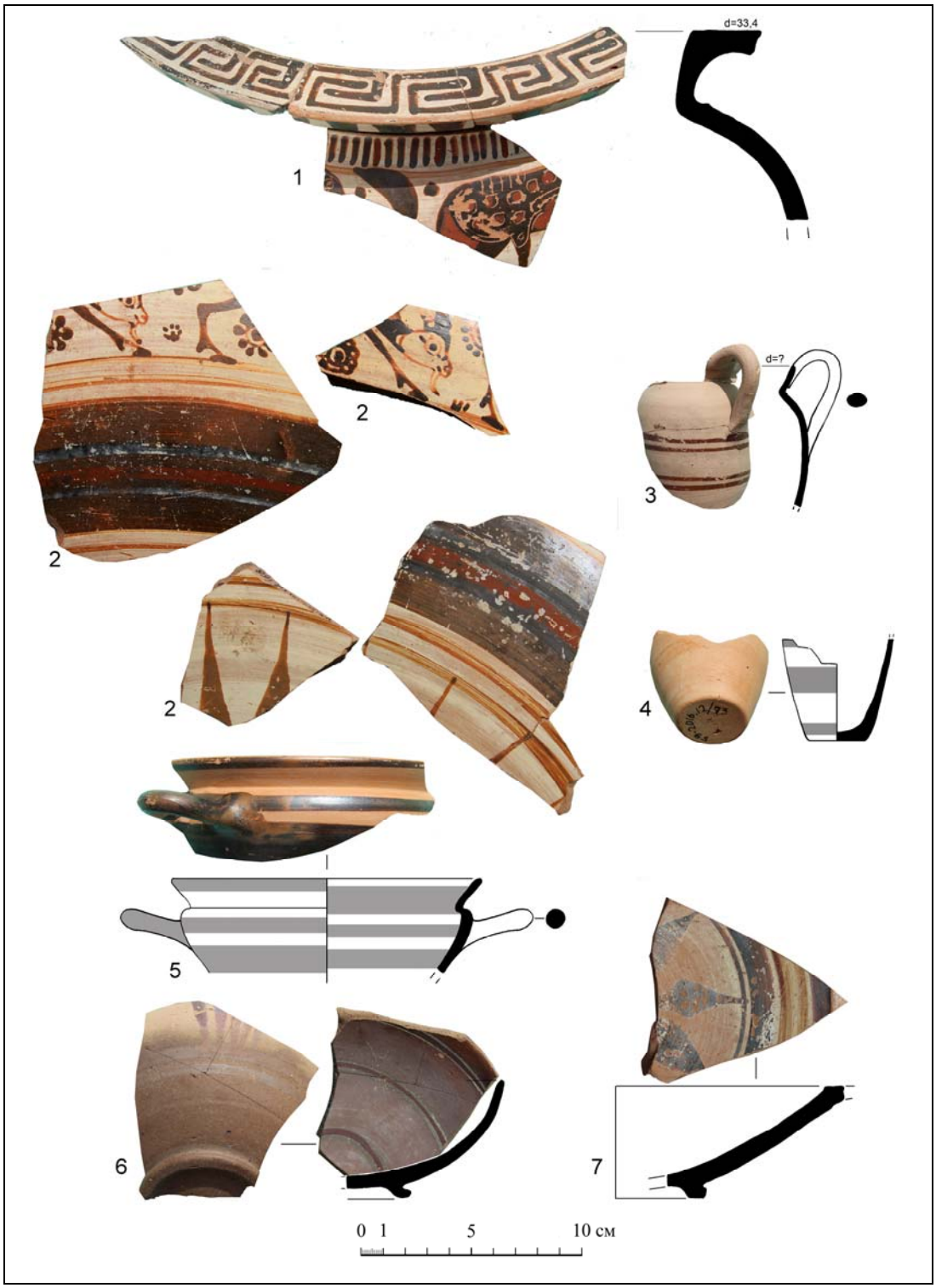

Рис. 6. Восточногреческая керамика из заполнения ямы № 234: *1—2* — фрагменты североионийских колонных кратеров (*1* — БЭ 2016.12/67; *2* — БЭ 2016.12/68); *3—4* — фрагменты ионийских ольп (*3* — БЭ 2016.12/74; *4* — БЭ 2016.12/73); *5* — фрагмент венчика килика (БЭ 2016.12/72); *6* — фрагмент полусферической чаши (БЭ 2016.12/71); *7* — фрагмент дна тарелки на кольцевом поддоне (БЭ 2016.12/69).

Fig. 6. East Greek pottery from the pit filling No. 234: *1—2* — fragments of the North Ionian column craters (*1* — BE 2016.12/67; *2* — BE 2016.12/68); *3—4* — fragments of Ionian olpae (*3* — BE 2016.12/74; *4* — BE 2016.12/73); *5* — fragment of the cup's rim (BE 2016.12/72); *6* — fragment of a hemispherical bowl (BE 2016.12/71); *7* — fragment of the bottom of the plate on the circular foot (BE 2016.12/69).

Рис. 7. Восточногреческая керамика из заполнения ямы № 238: *1* — край тарелки на кольцевом поддоне (БЭ 2016.28/158); *2* — фрагмент ручки-пластины колонного кратера (БЭ 2016.28/159); *3* — фрагмент тарелки на ножке (БЭ 2016.28/157).

Fig. 7. East Greek pottery from the pit filling No. 238: *1* — edge of the plate on the circular foot (BE 2016.28/158); *2* — fragment of the handle-plate of the column crater (BE 2016.28/159); *3* — fragment of plate on the high foot (BE 2016.28/157).

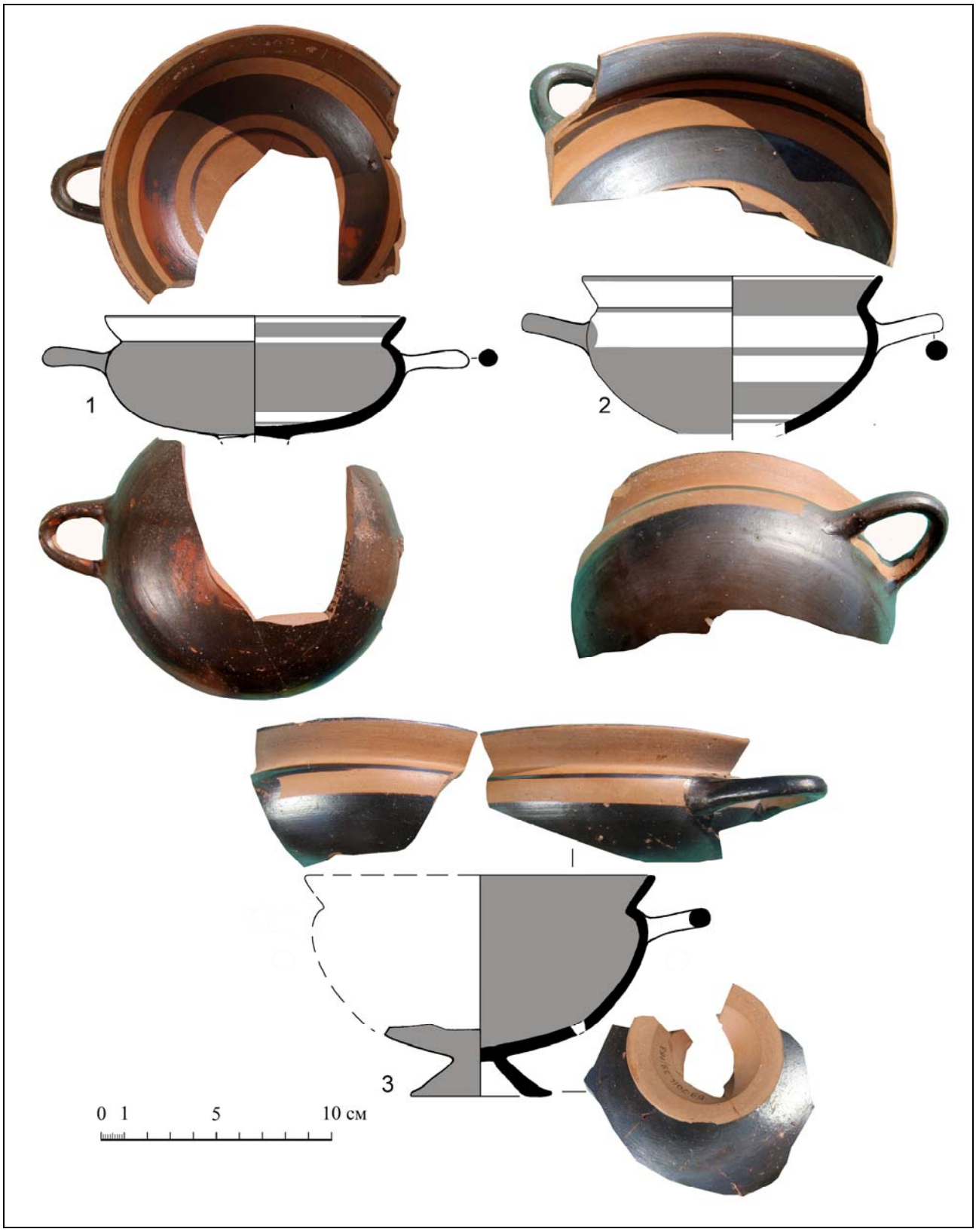

Рис. 8. Ионийские килики типа 9 с отогнутым венчиком из заполнения ямы № 238: *1* — БЭ 2016.28/162; *2* — БЭ 2016.28/161; *3* — БЭ 2016.28/163.

Fig. 8. Ionic cups type 9 with an outturned rim from the pit filling No. 238: *1* — BE 2016.28/162; *2* — BE 2016.28/161; *3* — BE 2016.28/163.

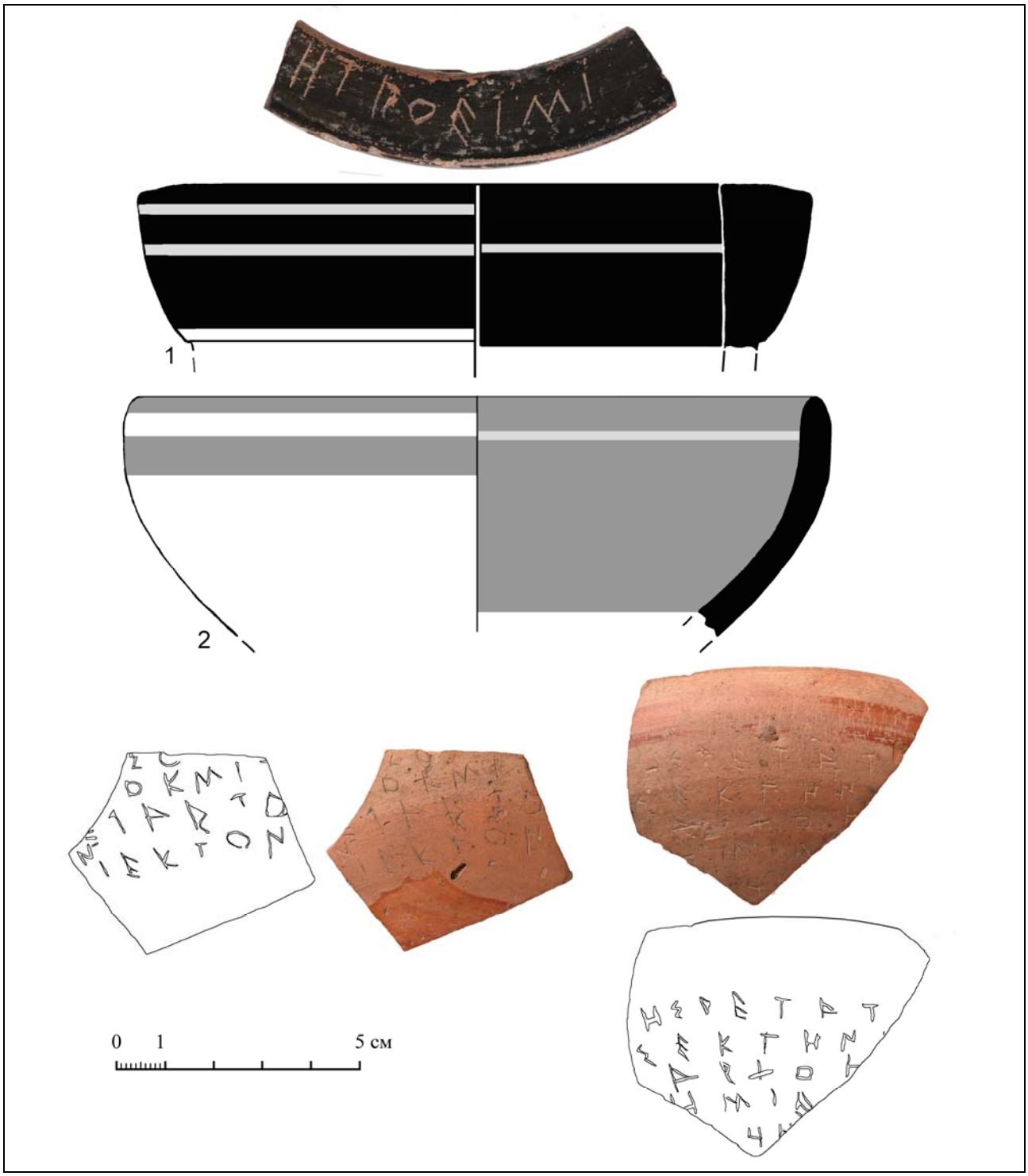

Рис. 9. Два граффити из раскопок Березани в коллекции Гос. Эрмитажа. *1* — Венчик аттической амфоры с граффито (ГЭ. Инв. № Б.-243); *2* — стенки ионийской чаши с граффито (ГЭ. Инв. № Б.63-305; Инв. № Б.63-306).

Fig. 9. Two graffiti form Berezan island site excavations in the State Hermitage museum collection. *1* —Rim of the Attic amphora with graffiti (Hermitage Inv. No B.-243); *2* — fragments of the Ionian bowl with graffiti (Hermitage. Inv. No B.63-305; Inv. No B.63-306).

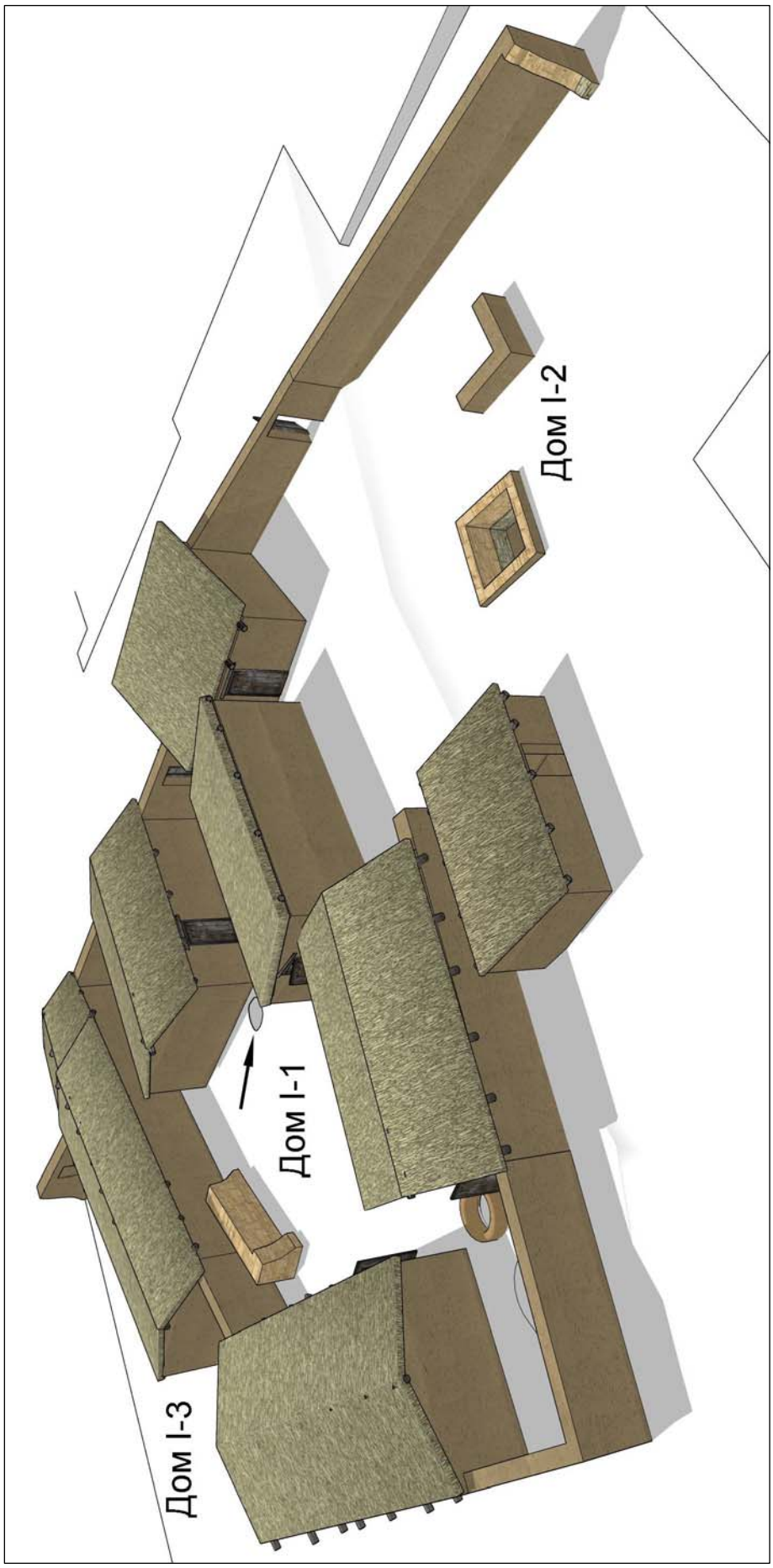

Рис. 10. Предполагаемая реконструкция дома I-1 фазы II-A (третьей четверти VI в. до н.э.) с примыкающими постройками соседних домов I-2 и I-3. Вид с северо-востока. Яма № 238 отмечена стрелкой.

Fig. 10. The proposed reconstruction of the house I-1 phase II-A (third quarter of the 6th century BCE) with adjacent buildings of neighboring houses I-2 and I-3. View from the northeast. Pit No. 238 is marked with an arrow.